

9(476)02
ЛН
В. Е. ЛОБАНОК

Партизаны
принимают
бой

9(428)22
Л68

В.Е. ЛОБАНОК

Партизаны принимают бой

Ф.К.

Президентская библиотека
Республики Беларусь

Минск «Беларусь» 1976

8 800001 034903

Книга Героя Советского Союза В. Е. Лобанка «*Партизаны принимают бой*», впервые выпущенная издательством политической литературы в 1972 году, посвящена одному из крупных сражений народных мстителей Белоруссии с гитлеровскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Полгода (с декабря 1943 года по май 1944 года) прифронтовая Витебская группировка партизан в районе Полоцк—Ушачи—Лепель приковывала к себе несколько вражеских дивизий из резерва группы армий «Центр».

История героической борьбы партизан Витебской области против карателейложена в основу книги. Используя большой документальный материал и свои личные впечатления, автор — руководитель оперативной группы ЦК Коммунистической партии Белоруссии и Белорусского штаба партизанского движения в Полоцко-Лепельской зоне и непосредственный участник описываемых событий — рассказывает о главных боевых операциях партизан, о героях боя.

Настоящее издание автор дополнил новыми материалами, внес в него ряд исправлений.

Литературная записка
М. В. ТАРАТКЕВИЧА

В ПЛАМЕНИ

Война у каждого пережившего ее оставила глубокий, неизгладимый след. События ее беспокоят каждодневно, бывает, не дают спать по ночам, тревожат еще неостывшие раны сердца. Так оно, вероятно, и должно быть, так и будет до тех пор, пока живы те, кто находился на фронте или в тылу врага.

Перед моим мысленным взором — события грозного сорока третьего, года коренного перелома в войне. Ликвидация окруженной немецко-фашистской группировки в междуречье Волги и Дона. Несколько позже — Курская битва. Первый салют. Начало освобождения Белоруссии.

А рядом со всем этим, неотрывно от фронтовых событий, идут боевые дела патриотов во вражеском тылу, где все жарче разгоралась пламя партизанской борьбы. Прорыв войсками Красной Армии блокады Ленинграда заставил немецко-фашистское командование лихорадочно мобилизовывать ресурсы для укрепления этого участка фронта. По железным дорогам началась усиленная переброска на север живой силы и техники врага. Наша задача состояла в том, чтобы срывать эти перевозки, уничтожать войска и технику на пути к местам сосредоточения — районам предстоящих сражений. С этой целью группа партизан бригады Дубова под командованием автора этих строк предприняла глубокий рейд в Литву.

Железнодорожный транспорт на протяжении всей войны был главным объектом боевых действий партизан на коммуникациях. Рассчитывая на «молниеносную войну», фашисты переоценили значение автомобильного транспорта и недооценили железнодорожный. В итоге возможности железных дорог были гораздо ниже потребностей, а в напряженные моменты, когда начинались интенсивная переброска военных грузов, маневр силами и средствами, образовывались пробки.

Наша группа отправилась в путь 10 апреля 1943 года. Весна только начиналась. В лесу было мокро, на деревьях набухали почки. Где-то у железной дороги Полоцк — Крулевщина мы разгромили два помещичьих имения, взяли подводы. Издали нашу группу теперь можно было принять за крупную воинскую часть с обозом.

Шли вперед довольно быстро, но молва о том, что движется десант Красной Армии численностью в 1000 человек, опережала нас. Вот почему все гарнизоны на нашем пути разбежались. По дороге мы уничтожали телеграфно-телефонную связь, сожгли мост через реку Дисна, разгромили эшелон с провиантом и офицерским имуществом.

Зановицкая боевая операция на железной дороге Вильнюс — Двинск, в трех километрах от станции Игналина. Отряд залег на опушке леса. Мины заложили под рельс заряд и отползли, размотав шнур, одним концом привязанный к чеке взрывателя. Луна хорошо освещала полотно уходящей за поворот дороги. Подмораживало. Побеживаясь от холода, прошед матрью. Но вот по рельсам застучали колеса. Мы приготовились. Паровоз шел без вагонов. Пропустили его. Наконец появился состав с грузом. Когда раздался взрыв и эшелон остановился, из вагонов стали выскакивать солдаты. Мчавшийся с противоположной стороны состав врезался в перегородившие путь вагоны. Уцелевшие гитлеровцы открыли беспорядочный огонь. Отряд отошел в глубь леса.

За время дальнего рейда мы разгромили восемь вражеских гарнизонов и два эшелона, убили свыше 250 гитлеровцев, в том числе матерого фашиста, начальника железных дорог оккупированных областей Белоруссии, ранили до 400 фашистов. Кроме того, по пути жгли мосты, громили водостные управы, маслозаводы, продовольственные склады оккупантов. Это встревожило гитлеровцев не на шутку. На обратном пути они преследовали нас буквально по пятам, навязывая неравные бои, пытались окружить. Сделав более 400 километров, отразив все наскоки карателей, 30 апреля наша группа возвратилась в свой лагерь под Лепель.

Возросшая боевая активность партизан в это время уже обеспечивалась поставками оружия и боеприпасов с Большой земли, в том числе специальных миновзрывных средств. В партизанских отрядах и подполье выросло мно-

го специалистов, способных умело использовать имеющуюся технику для нанесения урона врагу. От организации традиционных крушений поездов минами нажимного действия или способом «на удочку» мы переходили к применению специальных мин, взрывающихся под вторым поездом или через определенное время.

Не удовлетворяясь разгромом гарнизонов, взрывами эшелонов и мостов, партизаны стали разрушать целые участки железной дороги. Так было, например, с дорогой Орша — Лепель, которую вывели из строя соединения Сепленско-Оршанской и Полоцко-Лепельской зон. Немцы пытались восстанавливать дорогу, чтобы открыть прямой путь на Молодечно и Вильнюс. Но мы сорвали их замысел. В упорной схватке с вражескими гарнизонами приняли участие четыре партизанские бригады и более тысячи человек местного населения. На всех станциях уничтожили водокачки и другое путевое хозяйство. Дорогу привели в полную негодность.

Расширение масштабов боевых действий партизан на коммуникациях привело к тому, что эшелоны скапливались на узловых станциях, следовали к фронту со скоростью 10—12 километров в час и то только группами после проверки состояния путей на безопасность движения.

Ухудшилось для оккупантов положение и на автомобильных дорогах. Благодаря активным действиям партизан на многих участках противник вынужден был отказаться от ночного движения. Это сокращало объем и увеличивало время автомобильных перевозок противника. Для охраны и обслуживания дорог оккупантам пришлось выделять дополнительные людские силы и технические средства. На опасных участках гитлеровцы вели тщательную разведку, устанавливали сложную систему сигнализации. Для обнаружения мин фашисты применяли специальные катки-тралы и другие приспособления. Стало обычным движение автоколонн под охраной бронемашин и танков.

Все усилия немцев разработать эффективную систему охраны своих войск на марше, тыловых объектов и особенно коммуникаций не давали должного результата. Гитлеровцы не могли ни предотвратить расширение партизанских действий, ни ослабить их. А верховное командование, несмотря на это, настойчиво требовало быстрее покончить с партизанами, а заодно и со всеми теми, кто не выполняет

распоряжения или подозревается в сопротивлении оккупационным властям.

Являясь неотъемлемой частью оккупационного режима, одним из основных средств установления и поддержания «нового порядка» на захваченной территории, карательные операции гитлеровцев, первоначально предназначенные для «умиротворения» гражданского населения, постепенно переросли в крупные акции против партизан с использованием (кроме охранных, полицейских и специальных подразделений) пехотных, моторизованных, артиллерийских, авиационных и других формирований СС и вермахта. Соответственно повышался и уровень руководства карательными операциями. В сентябре 1942 года Гитлер возложил общее руководство по борьбе с партизанским движением на Гимmlера. Рейхсфюрер СС назначил своим специальным уполномоченным по борьбе с партизанами в центральной части оккупированной территории нашей страны, куда входила и Белоруссия, начальника СС и полиции группы армий «Центр» обергруппенфюрера СС Бах-Зелевского. В прифронтовых районах борьбой с партизанами руководил начальник штаба верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии Кейтель. На московском направлении эти функции были возложены на командующего охранными войсками и начальника тыла группы армий «Центр» Шенкендорфа. С осени 1942 года Бах-Зелевский и Шенкендорф стали координировать свои действия, планировать и осуществлять крупные карательные операции по всей территории Белоруссии с участием частей полиции, СС и вермахта.

Одна из первых таких операций под кодовым названием «Клетка обезьяны» («Affenkäfig») была проведена в декабре 1942 — январе 1943 года в северо-восточной части Витебской области, в треугольнике Полоцк — Невель — Витебск. В ней принимали участие регулярные войска с артиллерией, минометами, танками, бомбардировочной авиацией. Удары карателей отражали бригады имени С. М. Короткина (комбриг В. Э. Талаквадзе), 3-я Белорусская (комбриг А. Я. Марченко), 4-я Белорусская (комбриг Н. Е. Фалалеев). Партизаны оказывали упорное сопротивление численно и технически превосходящему противнику. В ходе боев с 24 декабря 1942 года по 3 января 1943 года они истребили до 800 вражеских солдат и офицеров.

В январе 1943 года каратели перенесли свои действия против партизанских бригад, дислоцировавшихся в Полоцком и Россонском районах Витебской области, Себежском, Идрицком и Невельском районах Калининской области. Эта операция имела кодовое название «Лесная зима» («Waldwinter»).

Вслед за ней в районах северо-западнее Полоцка последовала серия карательных операций под кодовыми названиями «Диамант» («Diamant»), «Заяц-беляк» («Schneehase»), «Зимняя сказка» («Winterzauber»). Их пришлось отражать партизанским бригадам: Дриссенской (комбриг Г. П. Герасимов), Освейской имени М. В. Фрунзе (комбриг И. К. Захаров), «За Советскую Белоруссию» (комбриг А. В. Романов), имени И. В. Сталина (комбриг Р. А. Охотин), «Неуловимые» (комбриг М. С. Прудников). Ожесточенные бои продолжались в течение февраля и марта 1943 года. Гитлеровцы тщательно прочесывали леса, а места предполагаемого расположения партизан подвергали интенсивному артиллерийскому обстрелу и ударам с воздуха. Но партизаны держали инициативу в своих руках. Отвлекая и дезориентируя противника, они просачивались мелкими группами через боевые порядки карателей и действовали в их тылу. Устраивали засады, минировали дороги, взрывали поезда, разрушали мосты.

Тяжелые бои завязались в марте на реке Свольна. Не имея возможности применить в лесисто-болотистой местности танки, фашисты непрерывно бомбили боевые порядки партизан и населенные пункты с воздуха, вели артиллерийский обстрел. Партизаны отразили многократные попытки карателей форсировать реку. Одновременно патриоты предприняли наступательные операции. Они разгромили вражеские гарнизоны в Лисно, Миловидах, Моторно. Несколько отрядов из бригад «За Советскую Белоруссию» (комбриг А. В. Романов, комиссар П. М. Машеров), Дриссенской (комбриг Г. П. Герасимов, комиссар А. И. Лисовский), имени Фрунзе (комбриг И. К. Захаров, комиссар А. И. Сергушко) форсировали реку Свольна и зашли в тыл противника. Завязались тяжелые бои. Группы бронбойщиков и подрывников подошли к железным дорогам и только с 12 по 15 апреля подбили восемь паровозов, пустили под откос три эшелона и повредили несколько мостов. Потеряв надежду перехватить инициативу, каратели под прикрытием артиллерии и самолетов стали отступать

в направлении Себежа, Освей, Коханович. В этих боях было организовано тесное взаимодействие белорусских, калининских и латышских партизан.

Места, где побывали каратели, превратились в пустыню. События «Освейской трагедии» описаны в листовке ЦК КП(б) Белоруссии:

«Ужасная кровавая трагедия разыгралась недавно в Освейском районе Витебской области.

В страшную пустыню превратился этот красивый уголок земли белорусской. В нем нельзя узнать прежний озерный край, щедрый и богатый. Все, что долгие годы создавали здесь советские люди, погибло под тяжелым сапогом немецко-фашистских палачей, оккупантов.

Это было в марте. Всего несколько дней свирепствовала здесь орда гитлеровских карателей. За эти несколько дней заплочных дел мастера дотла сожгли все 158 населенных пунктов района (3450 жилых домов)...

С холодным садизмом диких зверей фашисты-каратели сожгли живыми и утопили в реке Свольна тысячи мирных жителей. И кто же они? Это 2118 детей до 12-летнего возраста. Это 310 стариков свыше 50-летнего возраста.

И это еще не все. Каратели схватили и угнали на каторгу в проклятую фашистскую Немецкую Польшу 2615 мужчин и женщин...»*

Зимой и весной 1943 года крупные карательные экспедиции гитлеровцы предприняли против партизан Могилевской, Гомельской, Минской и Могилевской областей. Однако, несмотря на то, что в операции вовлекались значительные контингенты охранных и регулярных войск, противнику не удалось достичь цели.

В звериной злобе фашисты чинили расправы над местным населением. Ночью или на рассвете, когда люди спали, каратели подбирались к мирным селениям, жгли и убивали людей, грабили их имущество. Ранней весной 1943 года трагическая участь постигла деревни Рудня, Ляды, Мыльница, Кременец, Стайки, Янушковичи, Карниловичи Логойского района. Почти все жители этих деревень пали жертвами фашистского террора.

22 марта 1943 года каратели учинили зверскую расправу над жителями деревни Козыри. Согнанные на очистку стометровой полосы вдоль дороги Логойск — Плещеницы,

* ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 66, л. 169.

старики и подростки были тут же расстреляны из пулеметов и автоматов подъехавшими на автомашинах гитлеровцами.

В тот же день крупный отряд карателей окружил деревню Хатынь. Жителей согнали на середину селения и заперли в сарай. В огне погибло 149 человек, из них 76 детей. Спасти удалось только троим: Иосифу Иосифовичу Каминскому (ему было более 50 лет), Вите Желобковичу (7 лет) и Антону Барановскому (12 лет).

Теперь на месте деревни — мемориальный комплекс. В центре возвышается бронзовая скульптура непокоренного человека с убитым мальчиком на руках. Рядом сомкнутые плиты: крыша символического сарая, место мученической смерти советских людей. С другой стороны, на могильном холме, возвышается стела из белого мрамора. На ней — обращение мертвых к живым:

«Люди добрые, помните; любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы горели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле, чтобы огни нигде и никогда в вихре пожаров жизнь не умирали!»

Отдельный фрагмент мемориального комплекса — Кладбище деревень. На нем хранится земля из деревень Белоруссии, сожженных вместе с жителями и не восстановленных. Их — 486. Рядом возвышаются Деревья жизни со списком деревень Белоруссии, уничтоженных вместе с жителями, но восстановленных после войны. Мемориал включает Стену памяти узников фашистских концлагерей, на мемориальных плитах которой названия 66 наиболее крупных лагерей и мест истребления мирных граждан и военнопленных на временно оккупированной территории Белоруссии...

Готовясь к летнему наступлению на Орловско-Курской дуге, немецко-фашистское командование вместе с оккупационными властями предприняло новые усилия по ликвидации партизанских формирований в ближних и дальних тылах группы армий «Центр». В это время бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции фон Готтберг, возглавлявший фашистские карательные органы в Белоруссии, и получил приказ Вах-Зелевского о подготовке новой крупной операции против партизанских бригад севера Минской и смежных районов Витебской и Вилейской областей. Шеф тре-

бовал: разгромить партизан, их лагеря уничтожить, запасы продовольствия забрать.

К участию в операции, общее руководство которой было возложено на фон Готтберга, привлекались 2-й и 13-й полицейские полки СС, штрафной батальон под командованием Дирлевангера, дружинное соединение СС, 15-й, 102-й, 118-й и 237-й охранные батальоны, 600-й «казачий» батальон, 633-й «восточный» батальон, 1-я и 12-я полицейские танковые роты, 1-й батальон гренадерского полка, четыре роты 392-й оберфельдкомендатуры с одной батареей и одним взводом противотанковых орудий и взводом тяжелых минометов, усиленная рота 286-й охранной дивизии, 2-й дивизион 213-го полка, три моторизованных жандармских взвода, особые команды СД для уничтожения людей при каждом батальоне, восстановительная группа связи, подрывная группа, самолеты 4-й группы 51-й бомбардировочной эскадрильи и 7-й эскадрильи особого назначения. Общая численность этих частей и подразделений достигала 80 тысяч солдат и офицеров. Все они были сведены в четыре оперативные группы, которые возглавляли генерал-майор Дормаген, полковник Кицель, подполковник Клушиц и палач Хатыни Дирлевангер.

Каждая из групп имела определенную задачу, вытекающую из общего плана наступления на партизанские районы. В соответствии с этим планом каратели должны были оттеснить партизан от железнодорожных магистралей Молодечно — Полоцк, Молодечно — Минск, Минск — Борисов, отвоевать шоссе Минск — Витебск, Вилейка — Борисов, Докшицы — Борисов, загнать партизан в болота озера Палик и уничтожить, а трудоспособное население вывезти на каторжные работы в Германию.

Опасаясь активизации партизан во время карательной операции вблизи Минска, Готтберг решил предварительно прочесать красносельскую лесную дачу Заславского района, руднянские леса в Логойском районе и северную часть Смолевичского района. Операции под кодовым названием «Драуфгенгер I» и «Драуфгенгер II» («Смельчак») были проведены в конце апреля — начале мая 1943 года. Успех этих операций, по признанию штаба группы фон Готтберга, был незначительным.

С самого начала не сулила больших успехов и карательная операция «Коттбус». Судя по заключительному отчету об операции, ее руководители имели весьма смутное

представление о численности и вооружении партизан. Они после ее завершения продолжали считать, что в районе восточнее реки Березины дислоцировалось большое количество регулярных войск и десантников, имевших тяжелое вооружение и превосходно оборудованные узлы обороны.

Хотя эпицентром карательной операции «Коттбус» был заранее определен район озера Палик, боевые действия гитлеровцы начали западнее Лепеля. 19 мая 1943 года оперативная группа «Норд» под командованием генерал-майора Дормасена повела наступление в направлении на Пышно и Воронь. Готтберг боялся, что дислоцировавшиеся в этом районе партизаны могут нанести удар с тыла и сорвать операцию. Что ж, каратели имели основания опасаться этого.

Бои с самого начала приняли ожесточенный характер. «Спротивление противника, — писал в донесении Готтберг, — с каждым днем усиливалось»*. Каратели в связи с этим потребовали подкрепления. И наступавший в направлениях на Пышно и Воронь полицейский полк СС был усилен зенитным дивизионом и авиацией. Но и эти силы оказались не в состоянии серьезно изменить положение. Правда, карателям после пятидневных боев удалось потеснить отряды бригады имени С. М. Короткина и занять деревни Косари и Зарубовщина. Однако в ночь с 24 на 25 мая бригада Дубова внезапно атаковала боевые порядки гитлеровцев и к утру выбила карателей не только из этих деревень, но и из Дубенна, Веснишка и Тартака. Фашисты потеряли 65 человек убитыми. Партизаны сожгли совершивший вынужденную посадку немецкий самолет и захватили топографическую карту с планом карательной экспедиции.

По указанию секретаря Витебского обкома партии И. Б. Познякова было принято решение — между деревнями Адаменки и Селец сделать прорыв. Начали вести наблюдение за немецкими гарнизонами, размещенными в этих деревнях. На большаке между ними наблюдалось интенсивное движение вражеских частей. Наша группа партизан, которой поручили провести эту операцию, насчитывала более 600 человек. Из этого количества выделили ударную группу — 80 человек, им передали три ПТР, 28 автоматов, 10 пулеметов. В задачу ударной группы вхо-

* ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1880, лл. 42—58.

дило: незаметно подобраться к немецким дзотам, а на нашем пути их было два, и забросать их гранатами. Командовать этой группой поручили командиру отряда имени Лазо бригады Райцева Г. А. Забавленко.

Мы подошли к большаку примерно на 400 метров. Ударная группа к этому времени (к часу ночи) подобралась на 150 метров и по команде открыла плотный огонь, забросала дзоты гранатами и с криком «ура!» захватила оба дзота. Только некоторым немцам удалось уйти живыми. Взяли трофеи: по два пулемета в каждом дзоте, а также автоматы и винтовки, два миномета.

Перейдя большак, мы двинулись в направлении деревни Забоенье и на завтра начали громить тылы противника. Этим самым мы отвлекли значительные силы противника, которые наступали в районе Пышно.

Но накал боев нарастал. В район Лепеля к находившимся в обороне партизанам прибыло подкрепление из бригад имени К. Е. Ворошилова (комбриг Д. В. Тябук) и имени В. И. Чапаева (комбриг В. В. Мельников). У Пышно противник был остановлен. Здесь разгорелись ожесточенные бои, длившиеся 20 суток. В ходе их народные мстители показали высокие образцы мужества, стойкости, оперативной сметки. Коммунисты и комсомольцы были впереди.

Группа партизан под командованием помещика комиссара бригады имени С. М. Короткина по комсомолу Чикова под сильным минометным и пулеметным огнем противника взорвала мост, уничтожив при этом 48 фашистов. Все попытки гитлеровцев продвинуться вперед партизаны срывали сильным прицельным огнем. Перейдя в контратаку, патриоты истребили еще 30 фашистов, выбили немцев с занимаемых ими позиций, захватили трофеи и документы.

Бои за Пышно — одна из славных страниц партизанской истории. Героизм патриотов был массовым, взаимная поддержка и выручка — железным законом. Особенно трудно было, когда противник пустил танки. Метким огнем их встретили наши артиллеристы. Во время одного из таких боев тяжелое положение создалось на участке, который удерживала рота Геннадия Кротенка. На помощь ей заместитель комбрига С. В. Маркевич по указанию Ф. Ф. Дубровского послал взвод пулеметчиков во главе с замполитом пулеметной роты Алексеем Карабицким. Они отсекали автоматчиков от танков и заставили их залечь.

Никогда не забудется подвиг, совершенный отцом и сыном Бурак. Храбрых пулеметчиков не устрасил грозный вид вражеских танков. Патриоты погибли под гусеницами, но не оставили огневую позицию. На их место в отряд пришел брат Бурака с сыном.

В бою тяжело ранило пулеметчика Семена Клопова. Его заменила Надежда Костюченко. Медсестра Инна Флиговская сделала Клопову перевязку, и тот снова лег за пулемет. Он заставил залечь пехоту, подвинувшуюся за танками. Но вскоре, сраженный автоматными очередями, упал на бруствер окопа. Однако пулемет Клопова и на этот раз не замолчал. Его взял Алексей Карабицкий. Вот и он схватился за голову и стал тяжело сползать на дно окопа. У пулемета остались двое — Надя Костюченко и Инна Флиговская. Пулемет опять ожил. Он бил по цепям карателей длинными очередями, а где-то рядом среди шума боя отчетливо слышались одиночные выстрелы противотанкового ружья. Это Владимир Кривец вел огонь по танкам. Изрешеченная пулями, упала Инна Флиговская. Кончились патроны. Остались Граматы. Надя взяла тяжелую связку и поползла навстречу стальным громадам. Партизаны видели, как она стремительным рывком поднялась и бросилась под гусеницы танка. Грохнул взрыв, и машину обволокло дымом и пламенем.

Бои продолжались. Враг нес тяжелые потери, но не переставал атаковать. В воздухе висели вражеские самолеты, засыпая боевые порядки партизан бомбами, воздушными минами, обстреливая из пулеметов.

8 июня бои под Пышно затихли. Партизаны оставили местечко и отошли на новые рубежи. Но боевые действия на этом не прекратились. В первую же ночь патриоты совершили налет на карателей. Изматывая врага, партизаны держали его в постоянном первом напряжении. Не имея сил продолжать наступление, каратели вынуждены были снять блокаду.

Одновременно с атаками западнее Лепеля каратели вели наступление против партизан Борисовско-Бегомльской зоны. Бои там начались 21 мая. Имея превосходство в силах, гитлеровцы захватили дорогу Плещеницы — Бегомль. Отойдя в глубь своей территории, партизаны бригады «Народные мстители» стали совершать налеты на расположение карателей. В последних числах мая бригада в полном составе перешла на свои старые базы в крайские

леса. Оказавшись в тылу у карателей, она возобновила боевые действия на вражеских коммуникациях. Диверсионные группы успешно действовали на железных дорогах Молодечно — Полоцк, Молодечно — Вильнюс, Молодечно — Минск и в самом Минске.

Наступая с западного направления при поддержке артиллерии и авиации, 22 мая каратели повели атаки на боевые порядки бригады «Железняк», где командиром был И. Ф. Титков и комиссаром С. С. Манкович. Отряд под командованием Михаила Афанасьева отразил все атаки, нанеся противнику значительные потери в людях. Стойко удерживали свои позиции отряды под командованием Григория Охоненко и Семена Гунина. В ходе боев они нанесли врагу большой урон. Отражая натиск карателей на оборонительных рубежах, железняковцы заходили им в тыл, нападали с флангов. В одной из таких операций вблизи деревни Чисти Мельчинские рота 4-го отряда разгромила вражескую колонну, тяжело ранив руководителя оперативной группы подполковника Клушпа. Однако к концу мая карателям удалось оттеснить бригады «Железняк» и «Дяди Коли» за Березину.

Окружив партизан в галиковских и домжерицких болотах, каратели в течение нескольких дней обстреливали этот район из артиллерии, минометов, крупнокалиберных пулеметов, бомбили с самолетов. Затем они начали прочесывание лесов и болот. Тяжелые бои пришлось вести партизанам. Обессиленные отражением непрерывных атак, переходами по болотным топям, голодом, переносами раненых, патриоты проявили твердость духа, большую выдержку. Приходилось беречь каждый патрон, каждую гранату, так как боеприпасы за время боев иссякли. В ночь с 18 на 19 июня окруженные пошли на прорыв. Атака до смерти измученных бойцов была такой решительной, что сильно укрепленная заградительная линия карателей не выдержала. Партизаны, за исключением бригады «Дяди Коли», оставшейся на домжерицких островах, прорвались и вышли в леса к своим основным базам. Вскоре в связи с подготовкой наступления в районе Курска и Орла немецко-фашистское командование спешно отозвало армейские части, принимавшие участие в карательной операции.

За годы временной оккупации Белоруссии немецко-фашистские захватчики провели не менее ста карательных экспедиций, причинили большой ущерб народному хозяйст-

ву республики, убили много мирных жителей, часть вывезли на каторжные работы в Германию. Но главной цели — ликвидации партизанского движения хотя бы в территориально локальном районе — не достигла ни одна из них. Не составила исключения и операция «Коттбус». Правда, это не помешало фон Готтбергу сообщить в донесении в Берлин, что «окруженные участки на протяжении 21 и 22 июня полностью очищены от партизан»*, что в ходе всей операции уничтожено 9893 и взято в плен 599 партизан. Конечно, партизаны имели потери, но они исчисляются не сотнями и тем более не тысячами человек. Яркое свидетельство этого — новый подъем борьбы народных мстителей в Борисовско-Бегомльской и Полоцко-Лепельской партизанских зонах летом и осенью 1943 года.

Увеличилось число ударов по коммуникациям и тыловым объектам врага, стал качественно новым подход к организации боевых действий. Возросшее тактическое мастерство командования партизанских формирований, совершенствование всех видов связи между отрядами и бригадами, улучшение координации их действий позволили приступить к организации крупных и одновременных боевых операций на большой территории. Их эффективность превзошла все наши ожидания. Оккупанты были в панике. Это сказалось и на их настроении, и на боеспособности охранных и других частей.

Крупную комбинированную операцию провели партизанские бригады Полоцко-Лепельской зоны в ночь с 24 на 25 июля 1943 года. Она представляла собой совокупность одновременных ударов по различным тыловым объектам врага, но прежде всего по коммуникациям, и продемонстрировала воинскую доблесть и высокую выучку партизан, их искусство ведения скоординированных боевых действий в ночных условиях. В ходе этой операции были разгромлены немецко-полицейские гарнизоны в Котовщине, Сокорове, Бочейкове, Фролковичах и других населенных пунктах.

Хочется отметить мастерски проведенный бой бригадой имени П. К. Пономаренко в Бочейкове, что на шоссе Лепель — Витебск. Здесь стоял довольно крупный вражеский гарнизон, охранявший дорогу и имевший большое значение мост через реку Улла. В четырехчасовом бою, которым

* ЦГАОР БССР, ф. 370, оп. 1, д. 1880, лл. 42—53.

руководили командир бригады Н. В. Уткин и комиссар М. А. Табут, партизаны убили и ранили 70 гитлеровцев, шестерых взяли в плен, уничтожили 6 огневых точек, бензосклад и до двух тонн горючего, три трактора, три автомашины, авторемонтную мастерскую, склад с боеприпасами, склад с сельхозмашинами, до 200 велосипедов, три склада с продовольствием и фуражом, маслозавод, животноводческую базу, где находилось свыше 400 голов скота, узел связи, пять казарм и захватили большие трофеи.

Изумила всех дерзкая операция, проведенная в эту же ночь отрядом имени М. В. Фрунзе бригады имени В. И. Чапаева на фролковичском мосту. Этот мост через ту же реку Улла стоит на шоссе Улла — Лепель. По этому шоссе шли военные грузы на левый фланг 3-й немецкой танковой армии.

Накануне в районе фролковичского моста побывала партизанская разведка. Она выяснила, что мост охраняется надежно. По обе стороны — бункеры и дзоты, подходы прикрыты проволочными заграждениями, минированы. Местность, особенно с левого берега, хорошо пристреляна. Атакой в лоб гарнизон не взять, одновременно все огневые точки не подавить. И командование бригады пришло к выводу — атаковать можно только со стороны расположенного рядом местечка Улла, где стоит крупный немецкий гарнизон. Для этого надо ночью форсировать реку в нескольких километрах ниже моста и подойти к нему скрытно.

В два часа ночи 25 июля началась переправа через реку. Она длилась часа полтора. Затем отряд выстроился цепочкой и стал пробираться лесом. Хотя все было продумано до мелочей, случилось так, что санитары отряда в лесной чаще заплутали и шедшие за ними подрывники с толом отстали. Близость цели требовала сохранения строжайшей маскировки, световые и звуковые сигналы были запрещены. Тогда командир группы подрывников принял решение двигаться вперед, выдерживая примерное направление, а когда начнется бой, — достичь моста броском.

На мосту и в деревне бой вспыхнул почти одновременно. Штурмовавшая группа с ходу ворвалась в расположенные охраны моста, подавила ближние огневые точки. Но из караульного помещения и дзота с левого берега реки продолжали вести интенсивный огонь. Несколько атак на них успеха не имели. Появились убитые и раненые. Погибли начальник штаба отряда лейтенант В. В. Филатов,

командир взвода Ф. П. Помазанов, бойцы А. В. Белоусов, И. И. Шерстнев.

В деревне Фролковичи, где 3-й взвод завязал бой с полицией и рассеял ее, вспыхнул пожар. Он осветил все вокруг, чем ухудшил действия на мосту. Попытки взять его штурмом и, как предусматривалось планом операции, перейти на левый берег ни к чему не привели. Создалось критическое положение. Отсутствие подрывников грозило полным срывом операции. Командир приказал отходить.

Отряда уже не было у моста, когда к нему подбежали подрывники. С левого берега гитлеровцы продолжали вести интенсивный огонь. Как же взорвать мост? И подрывники пошли на большой риск. Они начали минировать под огнем противника, который с минуты на минуту мог обнаружить отсутствие основных сил отряда и схватить смельчаков. Взрывчатку удалось подвязать к основным сваям моста в четырех местах и при отходе поджечь бикфордов шнур.

Не успели подрывники отойти, как услышали гул моторов. Машины или танки? Надо спешить. Но огонь крупнокалиберного пулемета прижимает к земле. Одного партизана ранило, просит о помощи. Ушедшие вперед перебежками возвратились, подхватили раненого и по густой ржи понесли к опушке леса. И тут грохнул большой силы взрыв. Мост взлетел на воздух.

— Задача полностью выполнена, — докладывал командир отряда А. Я. Конев в штаб бригады, — мост взорван. Движение по шоссе Лепель — Улла прервано.

Командование бригады имени В. И. Чапаева в отчете Белорусскому штабу партизанского движения сообщило имена отличившихся при взрыве фролковичского моста. Это Беберин Н. П., Коваленко М. Ф., Луненок Е. М., Оводнев Г. С., Куксов М. М., Береснева В. А., Харкевич Г. Р., Тараткевич М. В. и другие.

Активность партизан все больше озлобляла оккупантов. Будучи не в состоянии справиться с партизанским движением, гитлеровцы решили подорвать его экономическую основу: отнять у крестьян весь хлеб урожая 1943 года, а где такой возможности не представляется, сжечь его вместе с деревнями. Все лето и раннюю осень деревни и села в Полоцко-Лепельской и других партизанских зонах подвергались ожесточенным бомбардировкам с воздуха. Десятки самолетов ежедневно с утра до вечера разбрасывали фугасные и зажигательные бомбы, воздушные

мины, гонялись за мирными жителями, расстреливали их из пулеметов. Но существенных результатов гитлеровцам не удалось добиться. Местное население при помощи партизан успешно боролось с пожарами.

Выполняя постановление ЦК Компартии Белоруссии, партизанские отряды и подпольные организации оказали большую помощь населению в уборке выращенного урожая. Они охраняли поля, делали засады на подходах к ним, срывали все попытки гитлеровцев проникнуть в партизанские зоны.

В начале августа с намерением сорвать уборку и ограбить население гитлеровцы начали наступление на партизанскую зону со стороны Ветрина. Утром 12 августа они заняли деревню Навлица и двинулись на Гуры. Ближе подпустив противника, партизаны бригады имени К. Е. Ворошилова открыли огонь из засады. Каратели понесли потери, но, оправившись, предприняли одну за другой несколько атак. Несмотря на большое численное превосходство противника, партизаны отбили все атаки.

Утром следующего дня, подтянув свежие силы, немцы под прикрытием артиллерийско-минометного огня повели наступление на правый фланг обороны партизан, но успеха не имели. В три часа дня 4-му взводу отряда «За Родину», оборонявшему деревню, прибыло подкрепление из резерва. Группа партизан обошла фашистов с фланга и неожиданной контратакой отбросила их от деревни Гуры.

Народные мстители на бригады имени К. Е. Ворошилова нанесли гитлеровцам немалый урон в живой силе и технике, не пропустили их к полям, где шла уборка урожая.

Бои за сохранение урожая вели и другие партизанские бригады. Об этом сообщало и Совинформбюро. В оперативной сводке за 17 сентября 1943 года говорилось: «Немецкие военные власти в Витебской области направили в деревни специальные команды для реквизиции и вывоза зерна нового урожая. Партизаны развернули ожесточенную борьбу против фашистских грабителей. Один партизанский отряд в двухдневных боях истребил 56 немецких солдат и офицеров. Свыше 70 гитлеровцев получили тяжелые ранения. Уничтожено 6 автомашин и танкетка. Другой отряд витебских партизан разгромил крупное подразделение противника. Немцы потеряли убитыми и ранеными свыше 200 человек и в беспорядке отступали».

Трудно сказать, о каких конкретно отрядах идет речь в сводке Совинформбюро, потому что народные мстители не менее активно действовали и в других местах Витебщины. Они истребляли команды грабителей, сжигали заготовительные пункты, нападали на фашистские транспорты с хлебом, отбивали и возвращали его крестьянам. Особенно эффективно велась борьба в Бешенковичском, Полоцком, Меховском, Россонском, Сенненском, Унячском районах, где урожай был сохранен полностью.

К лету 1943 года партизанское движение настолько расширилось и окрепло, что ЦШПД выдвинул план массового разрушения железнодорожных коммуникаций и дезорганизации военных перевозок врага на длительный срок. Эти операции вошли в историю всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков под названием «Рельсовая война».

Территория Белоруссии покрыта густой сетью имевших очень важное военное значение железнодорожных магистралей. По этим маршрутам к фронту шел бесконечный поток грузов. Гитлеровское командование предприняло ряд мер по увеличению пропускной способности этих дорог, по обеспечению бесперебойной работы транспорта. Все пути перешли на узкую колею, стянули сюда большое количество локомотивов и подвижного состава. Одновременно приняли дополнительные меры для обеспечения безопасности движения. Однако ни превращение станций в укрепленные опорные пункты, ни круглосуточное патрулирование дорог между ними, ни насаждение вблизи магистралей гарнизонов, ни минирование мест подхода к путям, ни усиление охраны мостов — ничто не могло сдержать партизанского натиска. Только за три предшествовавших «рельсовой войне» месяца белорусские партизаны сбросили под откос 1658 эшелонов противника, из них более 300 — на территории Витебской области. На участках Мавск — Орша, Полоцк — Двинск, Полоцк — Витебск в июле 1943 года пропускная способность дорог составляла в среднем всего лишь 16 процентов.

Считая необходимым и возможным усилить боевую работу партизан по разрушению путей подвоза вражеских грузов, 24 июня 1943 года ЦК Компартии Белоруссии принял постановление «О разрушении железнодорожных коммуникаций противника методом рельсовой войны». Осуществление принятого плана должно было привести к пол-

ной дезорганизации всего железнодорожного транспорта на оккупированной территории Белоруссии.

ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения разработали конкретные мероприятия по осуществлению плана «Рельсовой войны». Они были доведены до партизанских бригад, отрядов и отдельных групп. На первом этапе этой небывалой по своим масштабам операции партизаны Белоруссии должны были подорвать 110 700 рельсов, из которых 17 700 приходилось на долю витебских партизан.

Перед началом операции в отрядах и бригадах была проведена большая подготовительная работа. ЦК КП(б)Б и Белорусский штаб партизанского движения направили в тыл врага своих уполномоченных, инструкторов-минеров. Началось массовое обучение партизан подрывному делу. По воздуху с Большой земли доставлялись тол, капсулы, бикфордов шнур. Велась усиленная разведка железных дорог на участках, закрепленных за партизанскими бригадами и отрядами. В тех местах, где подходы к железным дорогам преграждали водные рубежи, готовились средства переправы.

В ночь на 3 августа на всех железных дорогах Белоруссии загремели взрывы. Они длились несколько часов подряд. Активное участие в операции приняло местное население, вместе с партизанами разрывавшее рельсы. Невиданный по размаху и силе удар по вражеским коммуникациям привел к дезорганизации перевозок воинских грузов в наиболее критический для немецко-фашистских захватчиков момент: в период наступления Красной Армии на орловском и белгородском направлениях.

В боевых операциях первого этапа «Рельсовой войны», завершившегося в первой половине сентября, активное участие приняли партизанские бригады Полоцко-Лепельской зоны. Так, Лепельская партизанская бригада имени И. В. Сталина с 3 по 28 августа взорвала 1236 рельсов, бригада имени В. И. Чапаева — 857, бригада имени К. Е. Ворошилова — 888 рельсов. Успешно действовали на вражеских коммуникациях бригады, впоследствии вошедшие в соединение нашей зоны. Это бригада «Алексея», записавшая на свой боевой счет более тысячи рельсов, Смоленский полк И. Ф. Садчикова — 1918 рельсов, бригада имени ЦК КП(б)Б — 213 рельсов и другие партизанские формирования.

В итоге первого массированного удара на железных дорогах Белоруссии к концу августа было взорвано 121 500 рельсов, в том числе витебскими партизанами — 18 429 рельсов. Движение воинских составов прекратилось повсеместно. Участки дорог Борковичи — Бигосово, Витебск — Орша, Полоцк — Молодечно бездействовали от 6 до 15 суток. Из-за недостатка рельсов оккупанты вынуждены были сваривать разорванные куски, вместо двух восстанавливать только одну колею.

На железных дорогах не прекращались и другие диверсионные действия. Народные метатели продолжали пускать под откос ашелоны, взрывали мосты, выводили из строя водокачки. Только за август и первую половину сентября витебскими партизанами было пущено под откос около 40 поездов.

Немецко-фашистское командование приняло дополнительные меры по усилению охраны железнодорожных коммуникаций, мостов и других объектов. Были усилены гарнизоны, гуще стала сеть дзотов. Прилегающая к дорогам местность в ночное время почти непрерывно обстреливалась. В районах лесных массивов вдоль железнодорожного полотна по обе ее стороны были устроены завалы шириной в 100—150 метров, а на открытых участках оборудованы препятствия в виде «волчьих» ям, заграждения из колючей проволоки и спирали Бруно. Удобные для подхода места минированы.

Но ничто не могло остановить партизан. Их разведка своевременно доносила об этих мероприятиях врага. И взрывы на железных дорогах гремели днем и ночью.

НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Вызов за линию фронта был неожиданным.

Завершив первый этап «Рельсовой войны», который, по данным разведки, сильно переполошил оккупантов, мы с большим подъемом готовились к новому удару по вражеским коммуникациям. Его намечалось провести начиная со второй половины сентября. Этот новый массированный удар по важнейшим транспортным артериям мы решили подкрепить дружными атаками на гарнизоны, заставить врага распылить свои силы.

И вдруг этот вызов. Ехать мне не хотелось. Надо было отрываться от важного дела. Мне казалось, что в данный момент я был бы больше полезен здесь, в глубоком вражеском тылу. Немного волновало и другое: зачем я понадобился в Белорусском штабе партизанского движения? Незнание всегда тревожит.

У провожавших меня на партизанский аэродром заместителя командира бригады Д. Т. Короленко, начальника штаба бригады А. В. Ярмоша, второго секретаря Лепельского подпольного райкома партии В. Л. Качана, командира отряда Н. Н. Самуся была единственная, но большая просьба: привезти побольше боеприпасов, особенно взрывчатки. На аэродроме крепко обнялись, пожелали друг другу успехов, и я забрался в самолет. В реве мотора потонули слова напутствий и пожеланий. Опытный военный летчик легко поднял самолет. Мы сделали прощальный круг над партизанским аэродромом и взяли курс к линии фронта.

Потянуло посмотреть вниз. Но под крылом самолета было черным-черно — ночь. Я мысленно представил чудесные места этого обширного озерного края. Около ста больших и малых озер с причудливыми очертаниями береговых линий следуют друг за другом почти непрерывно. На карте они образуют оригинальную фигуру, напоминающую стаю летящих на северо-запад журавлей. А какие живописные здесь, на Ушачине, просеки от озера к озеру, клеверные и льняные поля, веселые рощицы, каналы и речки, луговые равнины и заболоченные пашни, где по утрам стелются белесые туманы и бисером блестят капли росы на траве, на зарослях ольшаника!

Вопреки всем стараниям захватчиков партизаны удержали эту территорию от кошмаров оккупации. С середины 1942 года здесь не ступала нога фашиста. Находящийся в центре партизанской зоны Ушачский район был полностью свободен от гитлеровцев. Границы зоны проходили по территории смежных Ветринского, Полоцкого, Сиротинского, Бешенковичского, Лепельского, Плисского и Докшицкого районов. Под нашей защитой проживало более 80 тысяч мирных жителей.

В глубоком вражеском тылу советские люди занимались сельским хозяйством. Работали необходимые для нужд партизан и земледельцев скипидарно-дегтярные, гончарные, кузнечно-слесарные, кожевенные, столярно-боцдарные предприятия, 20 заводов по производству льня-

ного масла, 6 мельниц и даже 6 крупных рыболовецких артелей, вылавливавших сотни тонн рыбы. Зона имела собственную энергетическую базу — 3 электростанции. Четко действовала система снабжения партизанских отрядов всем необходимым. Работали школы.

Привычный для нас, старожилов, уклад жизни в зоне повичкам казался диковинным. Помнится, из-за линии фронта к нам прибыла с боевым заданием группа армейских разведчиков во главе с офицером Л. А. Попковским. За время дороги запасы продовольствия у разведчиков иссякли, и, прибыв на место, группа решила пополнить их в одной из деревень. Разведчиков приняли по-белорусски гостеприимно, хорошо покормили, а по вопросу о продовольствии посоветовали обратиться в штаб бригады. В деревнях имелось помимо всего прочего 13 800 голов крупного рогатого скота, 18 000 свиней, 28 000 овец, и обеспечить продуктами питания небольшую группу не составляло проблемы. Но порядок есть порядок. В штабе у гостей попросили список личного состава группы, и по распоряжению командования эти люди были взяты на довольствие. Это поразило разведчиков. Еще больше удивились они, встретив на дороге красный обоз.

«Над передней повозкой, — вспоминает Леонид Александрович Попковский, — развеялся красный флаг. На второй сидел чубатый подросток и играл на гармошке. Совсем как в довоенное время. Это не сразу укладывалось в голову. Только что мы наблюдали за движением в сторону фронта и обратно вражеских обозов, а здесь, в каких-нибудь 10 километрах, наш, красный обоз. Мне приходилось бывать в других партизанских зонах, но ничего подобного я не видел».

...Припомнилась первая суровая военная осень и первое подпольное предпраздничное собрание в ноябре сорок первого в деревне Губино под Лепелем. Вечером в помещении школы собралось несколько десятков колхозников. Расселись за партами, а кому не хватило места, устроились просто на полу. Партизану Анатолию Морунько, с которым мы пришли на собрание, не пришлось представлять меня односельчанам: перед самой войной некоторое время я работал первым секретарем Лепельского райкома партии и успел познакомиться с людьми. В тылу врага я был оставлен в качестве первого секретаря Лепельского подпольного райкома партии.

Я сообщил о событиях на фронте, сказал, что успехи, достигнутые захватчиками, носят временный характер, что враг будет остановлен, что заводы в советском тылу работают на полную мощность и скоро у нас будет достаточно самолетов, танков и другого оружия. Разговор зашел о том, как должны действовать советские люди в тылу врага. Я объяснил, что нужно любыми средствами наносить урон врагу, добывать оружие, боеприпасы и передавать их партизанам. Наутро десяток винтовок, несколько пистолетов и много патронов было переправлено на нашу базу в Сошняговскую пуцу.

Здесь, в лесу, обосновался центр партийного подполья Лепельского района. Нужно было, соблюдая строжайшую конспирацию, устанавливать связи с оставшимися для подпольной работы коммунистами. В населенных пунктах под руководством подпольного райкома партии создавались боевые группы из коммунистов и беспартийных патриотов.

Начинали с малого: со сбора оружия, агитации среди населения, нападения на мелкие вражеские группы. С людьми тогда приходилось встречаться в условиях жесточайших преследований, нередко врасположении вражеских войск. Наладили печатание листовок, разоблачавших истинные намерения оккупантов.

Первые шаги всегда самые трудные. Спустя некоторое время приобрели радиоприемник и стали слушать Москву, наладили выпуск листовок «Вести с Советской Родины». Первые боевые операции партизан еще выше подняли моральный дух населения оккупированных районов. В августе 1942 года отряды и боевые группы по решению подпольного райкома объединились в партизанскую бригаду. Командиром ее стал бывший директор Ушачской МТС Ф. Ф. Дубровский, комиссаром — я.

Одновременно южнее Полоцка образовалась партизанская бригада во главе с В. В. Мельниковым и И. Ф. Корежевским. К осени обе наши бригады настолько окрепли, что решили совместными усилиями освободить от оккупантов районный центр Ушачи. Сначала группа партизан во главе с начальником штаба нашей бригады С. Я. Бородавкиным совершила дерзкую операцию по освобождению из ушачской тюрьмы советских патриотов. А вскоре объединенные силы двух бригад вынудили гитлеровцев покинуть Ушачи, которые с этого времени стали центром обширного партизанского края.

Летом 1943 года обе бригады разукрупнились. Из них образовались четыре бригады: имени В. И. Чапаева (командир В. В. Мельников, комиссар И. Ф. Кореневский), имени П. К. Пономаренко (командир Н. В. Уткин, комиссар М. А. Тябут), Лепельская имени И. В. Сталина (командир В. Е. Лобанок, комиссар В. Л. Качан), Дубова (командир Ф. Ф. Дубровский, комиссар С. Я. Бородавкин). Последняя перебазировалась в Чашникский район. На северозападе зоны дислоцировалась партизанская бригада имени К. Е. Ворошилова. Она была образована летом 1942 года прибывшим с группой из-за линии фронта бывшим председателем Ветринского райисполкома Д. В. Тябутом. К осени 1943 года в зоне размещались также партизанские бригады «За Советскую Белоруссию» (командир П. М. Романов, комиссар Н. Г. Жижов), имени А. В. Суворова (командир П. А. Хомченко, комиссар Н. Е. Усов), «Октябрь» (командир Ф. К. Юрченко — конспиративная фамилия Ветров, комиссар И. И. Юкша), имени ЦК КП(б)Б (командир А. Д. Медведев, комиссар Н. Г. Пучкарев), имени В. И. Ленина (командир М. Т. Горбатенко, комиссар В. С. Свирид).

В дальнейшем в зону перешли партизанские бригады имени В. И. Ленина (командир Н. А. Сакмаркин, комиссар А. В. Сипко), имени ВЛКСМ (командир И. А. Куксенок, комиссар Ф. И. Зайцев), имени С. М. Короткина (командир В. Э. Талакваша, комиссар А. Б. Эрдман).

По распоряжению начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко в 1943 году в зону для решения боевых задач прибыли также Смоленский партизанский полк (командир И. Ф. Садчиков, комиссар А. Ф. Юрьев) и партизанские бригады — 16-я Смоленская (командир И. Р. Шлапаков, комиссар Г. Н. Тимошенко), «Алексея» (командир А. Ф. Данукалов, комиссар И. И. Старовойтов), 1-я Антифашистская (командир В. В. Гиль-Роднонов, комиссар И. М. Тимчук).

Боевая активность партизан нарастала. Особенно много хлопот причиняли мы гитлеровцам на коммуникациях. На охрану находившихся в районе боевых действий партизан железнодорожных путей и мостов немецкое командование вынуждено было отвлекать большие контингенты войск: охранные подразделения, полицейские формирования и даже железнодорожные части. Не меньше сил шло на охрану шоссе и грунтовых дорог. Почти на каждом километре шоссе сооружался доз, в котором постоянно нахо-

дился пост в составе 15—20 человек, охранявший отведенный ему участок дороги. Достаточно представить, что в районе действий белорусских партизан проходило 7500 километров железнодорожных путей и находилось до 550 мостов, чтобы понять, как неуютно чувствовали себя здесь гитлеровцы.

Занятые на охране коммуникаций войска не могли быть использованы в наступательных операциях против партизан. Поэтому для проведения карательных экспедиций в партизанских зонах немецко-фашистское командование вынуждено было выделять новые воинские контингенты. Однако это не могло продолжаться бесконечно: людские и военно-технические ресурсы гитлеровской Германии таяли, как весенний снег. И все же мы ожидали, что руководство группы армий «Центр» и командование 3-й немецкой танковой армии, в полосе которой находилась наша партизанская зона, не оставят нас в покое.

Такие размышления во время полета привели меня к выводу, что вызов за линию фронта имеет какое-то отношение к ситуации, сложившейся в тылу врага. В это время летчик сделал знак, что мы приближаемся к линии фронта. Проскочить опасную зону незамеченными не удалось: по небу стали шарить лучи прожекторов. У самой линии фронта, освещенной вспышками выстрелов, нас обстреливали зенитки. Снаряды рвались так близко, что было слышно, как осколки попадают в металлическую обшивку фюзеляжа. Летчик сделал несколько виражей, и нам как-то удалось вырваться из зоны зенитного огня противника.

Самолет приземлился на одном из прифронтовых аэродромов в районе Усвят. В тот же день состоялась встреча с представителем Белорусского штаба партизанского движения на Калининском (с 20 октября 1943 года 1-м Прибалтийском) фронте, секретарем ЦК КП(б) Б И. И. Рыжиковым. Ему были подчинены все партизанские бригады и отряды Витебской, Вилейской областей и северной части Минской области, дислоцировавшиеся к северу от железных дорог Вильнюс — Минск — Орша.

В задачи представительства БШПД на этом фронте входило: организация доставки партизанам боевых грузов, обработка разведывательных и оперативных данных, доклады о них Военному совету фронта и Белорусскому штабу партизанского движения, проведение в жизнь оперативных мероприятий, утвержденных БШПД.

И. И. Рыжиков познакомил меня в общих чертах с работой возглавляемого им представительства. Оказалось, что это целый штаб, имеющий разветвленную систему служб, складов с боеприпасами и другим имуществом, транспортные, в том числе авиасредства. Представитель БШПД являлся членом Военного совета фронта.

Иосифа Ивановича Рыжикова интересовали подробности о положении в партизанской зоне, меня, естественно, сведения о положении на фронтах, и особенно на нашем участке фронта. Здесь в то время было относительно спокойно, но, как намекнул И. И. Рыжиков, в скором времени ожидалась перемена. Вообще надо заметить, что И. И. Рыжиков в трудные для партизанской зоны дни оказал нам неоценимую помощь. С большим вниманием относился он к координации партизанских действий, к нашим нуждам, отличался настойчивостью в проведении оперативных мероприятий, делал все для того, чтобы улучшить условия нашей борьбы. Не случайно работа представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте по руководству боевыми действиями партизанских соединений впоследствии была отмечена БШПД.

Как сообщил И. И. Рыжиков, мне предстояло явиться в Москву — в ЦК КП(б)В и в Белорусский штаб партизанского движения, который до февраля 1944 года дислоцировался на подмосковной станции Сходня, что по Октябрьской железной дороге. Поблагодарив хозяина за гостеприимство, не теряя времени, я отправился на ближайшую железнодорожную станцию, чтобы первым воинским эшелонам ехать по назначению. На вторые сутки я уже был в Москве.

На перроне Белорусского вокзала моя кожаная тужурка, белая барашковая кубанка (шик партизанской моды), да, вероятно, и весь мой внешний облик сразу же привлекли внимание майора военной комендатуры. Он подошел ко мне.

- Откуда, гражданин?
- Из леса.
- Документы.

Я показал удостоверение, заверенное самодельной печатью.

— И это все? — спросил он, возвращая документ и с любопытством разглядывая мою, по партизанским понятиям, роскошную кубанку,

Никаких других документов у меня, естественно, не было. Вдруг майор заметил высунувшуюся из-под полы моей тужурки колодку маузера. Улыбнулся:

— У партизан эта пушка еще состоит на вооружении?

— Побольше бы нам таких пушек!

С тем мы и расстались.

Я был уверен, что пробуду в Москве несколько дней и вернусь в бригаду. Но мои надежды не оправдались. В Белорусском штабе партизанского движения мне дали понять, что придется некоторое время задержаться в Москве. Внутренне я не был согласен с таким распоряжением, ибо считал свое пребывание вдали от партизанской бригады бесцельной тратой времени. А тут еще дед Талаш * масла в огонь подлил.

Судьба свела нас в гостинице «Якорь», где мы жили в одном номере. Узнав, что я из витебских лесов, Талаш сразу стал критиковать действия нынешних партизан. По его мнению, раньше, то есть в гражданскую войну, они воевали лучше. Партизан, доказывал дед, надо посадить на коней. Я объяснил Василию Исаковичу, что у партизан теперь есть не только конные, но и артиллерийские подразделения и что нет абсолютно никакой надобности сажать на коней всех партизан. Свѣтым дед никак не хотел согласиться и все ворчал, что, если бы молодые слушались старших, толку было бы больше.

Несколько позже дед Талаш изменил ко мне отношение в связи с радостным для меня событием. В числе других руководителей партизанского движения мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Вручение наград состоялось в Свердловском зале Кремля. По такому торжественному случаю я сменил партизанскую кожанку на новенькую военную форму с погонами полковника. Надо было видеть удивление встретившего меня в гостинице «Якорь» деда Талаша. Золотая Звезда, ордена и полковничьи погоны оказали магическое воздействие на крестьянина старой закваски. С тех пор дед Талаш меня больше не критиковал.

В Москве состоялись полезные встречи руководителей белорусского партизанского движения с секретарями ЦК КП(б) В. Н. Малиным, Г. Б. Эйдиновым, Н. Е. Авхи-

* Талаш В. И. — партизан гражданской и Великой Отечественной войн, герой романа Якуба Коласа «Дрыгва».

мовичем, Т. С. Горбуновым, И. П. Ганенко, секретарями ЦК ЛКСМБ М. В. Зимяниным, С. О. Притыцким, секретарями Минского и Вилейского подпольных обкомов партии В. И. Козловым, И. Ф. Климовым.

Большая часть времени уходила на работу в отделах БШПД, на изучение методов партизанской борьбы, боевого опыта. Особое внимание уделялось созданию оборонительных сооружений, методам борьбы с вражескими танками, маневренным боевым действиям в обороне, способам защиты мирного населения и т. д. Все это впоследствии очень пригодилось. На занятиях в штабе я ближе познакомился со многими его работниками, в частности с секретарем ЦК КП(б)Б, начальником БШПД П. З. Калинин, начальником оперативного отдела подполковником А. И. Брюхановым, майором А. Ф. Бардадыном, капитаном И. И. Зиненко и другими. Все они оказались хорошо знающими тактику партизанской борьбы специалистами, у которых было чему поучиться.

В эти проведенные в Москве дни я, наверное, впервые за годы войны имел относительно свободное время. У меня появилась возможность сопоставлять, сравнивать то, что узнавал в штабе, с практикой наших действий в тылу врага, осмысливать происходящее, пытаться заглянуть в завтрашний день. Много думал об особенностях партизанской борьбы как необычного способа ведения войны. Ее тактика не подчинена устойчивым закономерностям. Методы партизанской борьбы настолько подвижны, изменчивы, что в действиях партизан почти отсутствуют повторения. Значит, им трудно противопоставить сколько-нибудь стабильные антипартизанские правила.

Исходя из этого, работники штаба главное внимание уделяли проблемам гибкости партизанского руководства. Не то в шутку, не то всерьез кто-то высказал мысль, что идеальный партизанский вожак может и не быть профессиональным военным.

— Это почему? — удивился я.

— Потому что партизанские действия не всегда совместимы с армейскими уставами и наставлениями.

В этом рассуждении было преувеличение, но содержалось и какое-то рациональное зерно. В условиях вражеского тыла, где оперативная обстановка меняется очень быстро, пунктуальная регламентация действий людей в самом деле чаще всего не помогает, а мешает. В тылу врага на первое

место выступают самостоятельность мышления, смекалка, сообразительность в сочетании с выдержкой, терпением, огромной силой воли. В конце концов я пришел к выводу, что на размышления в таком направлении меня наводят, по-видимому, неспроста. И я не ошибся.

Между тем время шло, а мне ничего конкретного не говорили. На досуге пытался прикидывать, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие событий в тылу врага. В штабе много занимались по теории партизанского движения, но и с высоты науки очень трудно было предугадать судьбу нашей зоны, которую в БШПД стали называть Полоцко-Лепельской. В своей практике мы исходили из того основного принципа, что партизаны не ведут позиционной войны и не дают решающих сражений. Они непрерывно беспокоят противника внезапными налетами на его гарнизоны, мосты, склады, важные узлы коммуникаций, действуют из засад, минируют железные и шоссейные дороги, уничтожают средства связи и ведут политическую работу среди местных жителей и в стане врага. Но зона стала ближним тылом 3-й немецкой танковой армии. В ней сосредоточилось около двух десятков партизанских бригад общей численностью до 17 тысяч человек. Как действовать в случае, если враг бросит против нас превосходящие силы? Эти вопросы не давали покоя ни днем ни ночью. Сам не заметил, как расширилась масштабность мышления. Как это важно, когда руководитель имеет возможность хотя бы на время отвлечься от деталей и более глубоко осмыслить то дело, которое ему поручено, с высоты общих задач, во всех связях, в перспективе! Только позже я понял, что и свободное время мне тогда было предоставлено совсем не случайно.

Кроме занятий в штабе приходилось выступать на предприятиях, в воинских частях. На одну из таких встреч мы приехали вместе с Валентином Катаевым. С затаенным дыханием слушали молодые воины мой рассказ о Полоцко-Лепельском партизанском крае, о борьбе советских людей в тылу врага. У солдат трудно укладывалось в сознании, как это в глубоком вражеском тылу могут жить в населенных пунктах и в течение длительного времени вести боевые действия довольно многочисленные партизанские подразделения. Я видел, как гневно блестели глаза воинов, как сжимались их кулаки, когда они слушали о зверствах, чинимых фашистами над мирными жителями.

Надо ли говорить, что я пристально следил за развитием событий на фронтах, и особенно на 1-м Прибалтийском. А положение складывалось такое. К началу зимней кампании 1943/44 года Красная Армия освободила от оккупантов 40 районов Белоруссии, в том числе районные центры Витебской области Лиозно и Сураж. В октябре 1943 года она вела наступление от Невеля до устья Припяти. Ожесточенные бои шли на витебском направлении. Здесь противник сосредоточил крупные силы. 6 октября наши части прорвали вражескую оборону восточнее Невеля на стыке 16-й немецкой армии, входившей в состав группы армий «Север», и 3-й танковой армии из группы армий «Центр». 7 октября был освобожден Невель. В тяжелых условиях лесисто-болотистой местности фронтовые части за четыре дня продвинулись на 25—30 километров.

Немецко-фашистское командование делало все для того, чтобы восстановить положение. В район Невеля были переброшены пять пехотных и одна танковая дивизии с юга Белоруссии и две пехотные дивизии из-под Ленинграда. Они попытались закрыть образовавшуюся брешь, но безуспешно. «Эта брешь, — пишет генерал Типпельскирх, — превратилась в кровоточащую рану на стыке обеих групп армий. В южном направлении русские продвинулись до Городка и Дрегущи, и поэтому 3-й танковой армии пришлось не только отражать натиск противника с востока, но и постоянно создавать оборону фронтом на север, а впоследствии и на запад».

Командование Красной Армии принимало необходимые меры по закреплению и развитию достигнутого успеха. С 19 ноября командовать 1-м Прибалтийским фронтом стал И. Х. Баграмян. Предполагалось, что после перегруппировки 1-й Прибалтийский фронт отобьет у врага Городок, Витебск, а затем устремится на Полоцк. Однако Городок был взят после упорных и кровопролитных боев лишь 24 декабря. На следующий день наши войска, освободив более двухсот населенных пунктов, перерезали шоссе Витебск — Полоцк, а еще через пять дней — шоссе Витебск — Орша. Вбив опасный клин в оборону немецко-фашистских войск между Витебском и Полоцком, фронт почти вплотную придвинулся к северным границам нашей партизанской зоны.

* К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 330.

В то время как Красная Армия, освободив первые районные центры Витебской области Ляозно и Сураж, с боями продвигалась к Витебску, партизаны в соответствии с разработанным планом БШПД, в разработке которого я принимал участие, атаковали город Лепель.

Штурм города осуществляли пять партизанских бригад — Дубова, Лепельская, имени В. И. Чапаева, имени П. К. Пономаренко, Сенненская под общим командованием Ф. Ф. Дубровского. В Лепеле располагались три усиленных пехотных полка противника, танковый батальон, артиллерийские и минометные подразделения. Город был окружен густой сетью дотов, дзотов, окопов, проводочных заграждений. Наиболее выгодные подступы к нему были заминированы, все кирпичные здания приспособлены к обороне. Имея точные сведения о численности, вооружении, дислокации частей, режиме охранной и патрульной службы в гарнизоне, партизаны застали противника врасплох. Лепельская партизанская бригада, на долю которой выпали особенно трудные бои, наступала на город с юго-восточной стороны. На подступах к Лепелю партизаны разгромили небольшой гарнизон в деревне Забоевье и, перерезав проводочные заграждения, начали штурм вражеских укреплений.

Внезапность штурма обеспечила успешное начало операции. Много оккупантов было уничтожено метким огнем партизан. Однако в самом начале боя удалось подавить только часть огневых точек, и противник стал оказывать бешеное сопротивление. Начались уличные бои. Штурмовые группы продвигались к центру города. За ночь отряды Лепельской бригады разгромили железнодорожную станцию, сельхозкомендатуру, сожгли большой склад снарядов, караульное помещение, уничтожили 4 танка, бронемашину, 7 грузовых автомашин, 2 орудия, захватили пулеметы, винтовки, минометы.

С рассветом гитлеровцы начали контратаковать превосходящими силами. Они ввели в бой танки. Партизаны отошли на исходные рубежи. Следующей ночью они снова овладели центром города. Было сожжено 4 продовольственных и 6 фуражно-вещевых складов, 2 склада с боеприпасами, 6 казарм. Партизаны захватили пленных, богатые трофеи.

Одновременно были проведены успешные операции по разгрому вражеских гарнизонов в Чашниках и Камене, где

действовали партизанский полк И. Ф. Садчикова, бригады Дубова и «За Советскую Белоруссию».

На первый взгляд здесь имело место довольно часто применявшееся согласование действий партизан с действиями регулярной армии при ее наступлении. На самом же деле была осуществлена координация боевых действий на фронте и во вражеском тылу несколько необычного порядка. Дело в том, что после планируемого перехвата Красной Армией шоссейных и железных дорог Витебск — Полоцк и Витебск — Орша 3-я немецкая танковая армия лишалась основных магистралей, по которым осуществлялась транспортировка войск, боевой техники, боеприпасов и вообще всего необходимого. Оставалась единственная шоссейная дорога Витебск — Бешенковичи — Лепель — Парафьяново, которой можно было пользоваться и которая, что очень важно, выходила к железной дороге. Шоссе на довольно значительном расстоянии почти вплотную прилегало к Полоцко-Лепельской зоне и фактически являлось ее восточной и юго-восточной границей. Наша партизанская зона оказалась, если так можно сказать, вдвойне в особом положении: она находилась в расположении ближнего тыла 3-й немецкой танковой армии, а ее соединения одновременно контролировали единственную уходящую в глубокий тыл армии магистраль. В этих условиях операций в Лепеле, Чашниках, Камене и других расположенных на шоссе или близ него гарнизонах имели особое значение.

На сердце было радостно: партизаны сильно беспокоили врага в самом его больном месте, они отлично справились с выполнением боевой задачи второго этапа «рельсовой войны». Правда, на этот раз гитлеровцы, наученные горьким опытом, оказали упорное сопротивление. Кое-где они вводили в бой регулярные части. И все же задание было выполнено. На белорусских железнодорожных магистралях партизаны уничтожили 90 814 рельсов. Бойцы бригады «За Советскую Белоруссию» во время второго этапа «рельсовой войны», несмотря на сильную охрану, заняли ряд перегонов на железной дороге Полоцк — Молодечно и за одну ночь взорвали 2543 рельса. Было убито 50 и ранено 68 гитлеровцев. Отряд Робенкова Лепельской партизанской бригады за пять дней взорвал 1589 рельсов на участках дороги Крулевщина — Подсвилье и Подсвилье — Зябки. В донесении минской оккупационной адми-

нистрации генеральной дирекции путей сообщения Востока в Варшаве сообщалось, что на 23 перегонах железнодорожные линии загромождены и движение на некоторых участках полностью прекращено. Борьба на коммуникациях продолжалась с неослабевающей силой и после завершения второго этапа «рельсовой войны».

ПРИКАЗ ЦШПД

Вести о том, что происходит в нашем партизанском крае, сильно подогревали мое нетерпение. Чувствовалось, что приближаются еще более важные события. Хотелось быть там, среди боевых друзей, в привычной обстановке беспокойных партизанских будней. А время, как на зло, тянулось медленно. Все сильнее давала себя знать оторванность от привычной боевой деятельности: минуты воспринимались как часы, часы — как дни, а сутки превращались в целые недели. Я подшутил и всерьез намекал в штабе, что засиделся в Мбские, что пора и честь знать. В ответ мне советовали не торопиться.

Наконец я был вызван к секретарю ЦК КП(б)Б, начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко. Беседа была продолжительной. В ходе ее я уловил, что начальник ЦШПД, с одной стороны, доволен развитием партизанских действий в Белоруссии, и в частности в нашей Полоцко-Ленельской зоне, а с другой — серьезно озабочен судьбами освобожденных от оккупантов районов, зон, краев, в которых находилось большое количество мирных жителей. По мнению П. К. Пономаренко, уже в близком будущем снова надо было ожидать со стороны немецко-фашистского командования серьезных мер, направленных на подавление партизанского движения на территории Белоруссии, на ликвидацию зон со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правда, для этого гитлеровскому командованию придется снять с фронта новые крупные силы.

И в самом деле, в зимне-весенний период 1944 года на борьбу с белорусскими партизанами и охрану коммуникаций на сравнительно небольшой территории было брошено 9 дивизий: 281-я охранная дивизия (район Полоцка), 201-я охранная дивизия (район Ленеля), 286-я охранная дивизия (район Толочина), 221-я охранная дивизия (рай-

он Вилейки), 707-я пехотная дивизия особого назначения (район Шацка и Кирова), 203-я охранная дивизия (район Давид-Городка), 52-я учебно-полевая дивизия особого назначения (район Барановичей), 391-я учебно-полевая дивизия (район Глубокого) и 390-я учебно-полевая дивизия (район Столбцов). Кроме этих дивизий борьбу с партизанами вели более 100 охранных батальонов, а также располагавшиеся в Белоруссии многочисленные учреждения и части армейских тылов и группы армий — охранные роты и команды, саперные части, аэродромные команды, авиационные части, базы снабжения и т. д. Кроме того, в борьбу с партизанами было втянуто большинство из 11 дивизий оперативного резерва противника *. В общей сложности в борьбе с партизанами, в охране коммуникаций и тыловых объектов в зимне-весенний период участвовало около 600 тысяч вражеских солдат и офицеров **.

После выяснения общей обстановки перешли к положению в Полоцко-Лепельской партизанской зоне. Здесь, по мнению П. К. Пономаренко, создавалась весьма своеобразная обстановка, связанная с положением 3-й немецкой танковой армии, которое сложилось после осенне-зимнего наступления Красной Армии. Начальник ЦШПД подошел к карте и жестом пригласил подойти меня.

— Взгляните сюда, — сказал он, указывая тонко отточенным карандашом линию фронта между Витебском и Оршей, — действиями наших войск 3-я немецкая танковая армия лишается единственной линии снабжения — железной и шоссейной дорог Орша — Витебск.

Острие граненого карандаша, описав невидимую кривую, остановилось в районе немного южнее Витебска, где с севера на юг тонкой извилистой змейкой петляла линия шоссейной дороги.

— Помните, какие исторические события произошли в этих местах? — спросил Пономаренко, водя карандашом по местности близ населенного пункта Островно.

Кто же не помнит событий славного и грозного 1812 года! Здесь в итоге жарких двухдневных боев русские войска под командованием Остермана-Толстого блестяще выполнили боевую задачу — задержали наступавших фран-

* См. П. К. Пономаренко. Освобождение Белоруссии. В кн.: «Освобождение Белоруссии. 1944». М., 1970, стр. 156.

** ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 3, д. 78, лл. 189—190.

цузов. Тем самым был сорван план Наполеона устроить под Витебском новый Аустерлиц, то есть разбить русскую армию в решающем сражении и побудить Россию к сдаче. Основные силы русской армии, благодаря успешным действиям арьергарда под Островно, успели уйти в направлении Смоленска. Ответив на вопрос П. К. Пономаренко, я добавил, что об этих боях рассказывает Лев Толстой в романе «Война и мир».

— Совершенно верно, — удовлетворенно кивнул он головой, по-видимому довольный тем, что партизанские будни не выветрили из моей памяти событий русской истории. — Кстати, при случае нелишне напоминать о боях 25 и 26 июля 1812 года партизанам. Ведь гремели они на этой же земле. Такая переключка эпох поднимает дух бойцов...

Слушая Пантелеймона Кондратьевича, я поймал себя на мысли, что он симпатичен мне масштабностью мышления, умением схватывать главное, подчинить все достижению намеченной цели. В Белоруссии П. К. Пономаренко стал работать с 1938 года, когда был избран первым секретарем ЦК КП(б) Б. Мне было известно, что до этого он длительное время, начиная с гражданской войны, находился в рядах Красной Армии, в том числе с 1932 по 1935 год на командных должностях. Окончил Московский институт инженеров транспорта, работал на нефтепромыслах, на железной дороге, на Мичуринском паровозостроительном заводе, во Всесоюзном электротехническом институте, в аппарате ЦК партии. Мне не пришлось близко познакомиться с Пантелеймоном Кондратьевичем в довоенное время, но и тогда я был наслышан, что он обладает очень ценным качеством руководителя — привлекать к себе людей, заряжать их своей кипучей энергией. Поговаривали, что при всем этом он очень требователен, строг и не очень-то щадит самолюбие работников, если они того не заслуживают. Но ни до нашего личного знакомства, ни после я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь был обижен, недоволен им, хотя многих он резко критиковал, иных сурово наказывал. Он был справедлив. П. К. Пономаренко очень многое сделал для развития экономики и культуры Белоруссии...

— Разумеется, такой шоссейной дороги во времена Рутузова здесь не было, — продолжал П. К. Пономаренко. — Здесь, по свидетельству Льва Николаевича Толстого, — а писатель был очень точен в показе мест исторических со-

бытий, — пролегал большак, усаженный екатерининскими березами. Многие деревья сохранились до наших дней. Но не в этом дело. Речь идет о том, что у 3-й немецкой танковой армии остается единственная дорога, которая начинается вот отсюда, из района дислокации армии под Витебском. Дорога ведет на запад через Бешенковичи (здесь размещается штаб армии), Лепель, Березино до прежней советско-польской границы и выходит на действующую железнодорожную станцию Парафьяново. Как вам известно, в прилегающей к дороге лесисто-болотистой местности нет других доступных для автотранспорта дорог. Задача партизанских соединений, которые дислоцируются в районе этой дороги, состоит в том, чтобы лишить 3-ю танковую армию возможности пользоваться ею. Имейте в виду, что с этих дней она приобретает для 3-й танковой армии, которая держит фронт от Сиротина до Богушевска, жизненно важное значение. Полоцко-Лепельская партизанская зона теперь находится в непосредственном оперативном тылу 3-й танковой армии, и на нее мы возлагаем особые надежды. Перехватить и удерживать в своих руках шоссе отныне является вашей главной задачей.

Хотел было спросить, почему Пономаренко ставит такую задачу передо мной, ведь в Полоцко-Лепельской партизанской зоне дислоцируется много партизанских бригад, а я являюсь командиром только одной из них. Может быть, он ведет со мной разговор как с первым секретарем Лепельского подпольного райкома партии? Но в этом случае он пригласил бы также первых секретарей Ушачского, Ветринского, Бешенковичского подпольных РК КП(б)Б.

Однако никого из них рядом со мной не было, и это озадачивало еще больше.

— Есть сведения, — продолжал между тем Пантелеймон Кондратьевич, — что Гитлер лично следит за военными операциями в районе Витебска. Похоже, что он все еще надеется отразить наши вклинившиеся войска ударами с юга и с севера в общем направлении на Невель. Правда, немецко-фашистскому командованию не удастся сконцентрировать достаточно сил одновременно на севере и южнее Невеля. Надо думать, что и не удастся. Но партизан в этом районе они в покое не оставят. Не исключено, что именно с вас каратели и начнут.

— С Лепельской партизанской бригады? — сорвалось у меня.

— Не только. По всему видно, с карателями придется иметь дело всем соединениям вашей зоны. В этих условиях для координации действий соединений мы считаем необходимым создать в зоне оперативную группу ЦК Компартии Белоруссии, Центрального и Белорусского штабов партизанского движения. Есть мнение назначить вас руководителем оперативной группы.

Я был крайне взволнован. Легко сказать — возглавить в таких условиях разбросанные на большой территории 16 партизанских бригад, взять ответственность за жизнь десятков тысяч мирных жителей. Внимательно присматривавшийся ко мне в течение всей беседы, Пономаренко заметил мое состояние. Подошел, положил на плечо руку, улыбнулся и неожиданно спросил:

— Владимир Елисеевич, а где ваша семья?

Я ответил, что о судьбе жены и двух дочерей ничего не знаю, так как потерял с ними связь в самом начале войны. Став секретарем Лепельского райкома партии, я не смог перевезти семью на новое место жительства, так как жена должна была продолжать работу в Смольянском сельскохозяйственном техникуме около Орши до конца учебного года.

— А почему вы не сделали запрос через Белорусский штаб партизанского движения? Ведь не исключено, что они находятся в советском тылу.

— Не исключено, конечно, — ответил я. — Но, судя по обстановке, едва ли они успеют уехать. Думаю, что они остались на временно оккупированной территории.

— И все же попробуйте сделать запрос.

Меня тронуло участие Пантелеймона Кондратьевича, и я от всего сердца поблагодарил его.

Перешли к обсуждению вопросов, связанных с предстоящей деятельностью оперативной группы.

— Перед вами, — говорил П. К. Пономаренко, — по существу, стоит сверхзадача. Дело усложняется тем, что это задача со многими неизвестными. Я имею в виду предстоящие действия карателей. Мы не знаем, когда и на каких направлениях, какими силами они поведут наступление, какую при этом применят технику. Мы твердо знаем одно: враг будет пытаться всеми мерами очистить от партизан прежде всего свои оперативные тылы. В других местах партизанские отряды имеют возможность маневрировать, то есть на время оставлять занимаемую территорию, а по-

сле того, как каратели пройдут, возвращаться на старое место. Для вас такая возможность исключается: вы не должны уходить от шоссе-дороги. Это очень важно.

Наверно, оттого, что П. К. Пономаренко акцентировал ударение на слове «очень», повторив его дважды, отнюдь не часто употребляющееся слово «сверхзадача» перед мысленным взором засверкало грозными кроваво-багровыми красками. Буквы превращались в препятствия на местности для вражеской пехоты и танков, в проволочные заграждения, противотанковые сооружения, лесные завалы. В действительности почти ничего этого на границах партизанской зоны не было. Оборонительные рубежи еще предстояло создавать.

Пономаренко посмотрел на карту, помолчал, что-то прикидывая в уме. Прошелся по кабинету, набил табаком трубку, закурил и, сделав глубокую затяжку, продолжал:

— Полоцко-Лельская зона не сплошь лесная. Она как бы окаймлена лесными полосами, в центральной же части лесов мало. Это постарается использовать враг. Для прорыва в глубь зоны он, без сомнения, применит технику, с которой вам будет нелегко совладать. Зато вы сделаете великое дело — оттянете на себя крупные силы танковой армии, нанесете им урон. Это явится началом ее гибели.

— Значит, нам предстоит перейти к позиционной войне?

— Вы отчасти уже перешли к такой войне, — улыбнулся Пономаренко. — Разве мало вы отражали карательных экспедиций? Взять хотя бы операцию «Котбус».

— Верно. Но в этой операции мы главным образом маневрировали.

— И в дальнейшем придется маневрировать. Без маневра партизанам никак не обойтись. И все же вы верно подметили: в предстоящих боях методы позиционной войны будут играть более значительную роль. Я предвижу, что кое-кто будет не согласен с этим. Найдутся молодцы, которые сочтут такую тактику неоправданной, ошибочной и даже бессмысленной. Но я уверен, что в условиях лесисто-болотистой местности вашего озерного края, применяя различные средства — артиллерию, противотанковые ружья, гранаты, мины, устраивая завалы, противотанковые рвы, можно нейтрализовать вражеские танки или по крайней мере свести их активность до минимума.

Много было переговорено в тот вечер. Казалось, не оставили без внимания ни одной мелочи, которая могла иметь значение в предстоящих боях.

— Не будем себя убаюкивать,— сказал в заключение начальник ЦШПД,— впереди немало трудностей. Неизбежны и жертвы. Но победа близка. Надо сделать все, чтобы сорвать фашистские планы физического уничтожения людей. Защищайте народ всеми силами и средствами. Зовите, поднимайте его на священную борьбу.

Практическим результатом этой встречи была организация в Полоцко-Лепельской зоне оперативной группы ЦК КП(б)Б и БШПД для координации деятельности дислоцировавшихся в ней партизанских бригад. Я был назначен уполномоченным ЦК КП(б)Б и руководителем опергруппы. В группу вошли подполковник А. И. Брюханов, майор А. Ф. Бардадын, капитан И. И. Зиненко, капитан Д. А. Фролов. Оперативной группе предстояло решать сложные боевые задачи.

Белорусский штаб партизанского движения принял меры по улучшению вооружения бригад Полоцко-Лепельской зоны, по организации бесперебойного снабжения их боеприпасами. Оперативной группе, подпольным райкомам партии, командованиям бригад и отрядов, коммунистам, комсомольцам, всем советским патриотам предстояло провести большую работу по созданию сильных оборонительных рубежей сопротивления общей протяженностью более 230 километров. Такие же задачи, как и перед нами, были поставлены перед командованием и партийными организациями соседней Борисовско-Бегомльской партизанской зоны.

Все эти важные задачи были сформулированы в приказе начальника ЦШПД. Он состоял из двух частей. В первой части приказа говорилось об удержании зоны. С ней впоследствии было ознакомлено командование партизанских бригад и отрядов. Вторая часть была совершенно секретной. В ней перечислялись мероприятия по подготовке к приему в партизанской зоне авиадесантного корпуса *. Перед отправкой в тыл врага я побывал в штабе 1-го Прибалтийского фронта. Были установлены более тесные

* 1-му Прибалтийскому фронту не удалось, как предполагалось осенью, отбить у врага Витебск и устремиться на Полоцк, Двинск и Ригу. Высаженный в Полоцко-Лепельской зоне авиадесантный корпус должен был вместе с партизанами штурмом

контакты с представительством БШПД, а также с командованием фронта. Весьма плодотворным был обмен мнениями с командующим Иваном Христофоровичем Баграмяном, начальником штаба Владимиром Васильевичем Курасовым. Оба военачальника оказались чрезвычайно внимательными к нашим нуждам, вдумчиво вникали во все детали взаимодействия фронта и партизан, с большим тактом давали советы о способах ведения боев в обороне. Командование фронта распорядилось оказать соединенным Полоцко-Лепельской партизанской зоне необходимую помощь.

К началу декабря 1943 года вся оперативная группа собралась в расположении представительства БШПД и стала готовиться к отправке в тыл врага. Вылет намечался несколько раз, но срывался из-за летней погоды. Нам не терпелось. Дорог был каждый день. И вот однажды утром сообщают, что ожидается хорошая погода. Кажется, никогда ничего я так сильно не желал, как хорошей летной погоды в тот день. К вечеру прозрачную морозную синеву неба расписали причетливые дымки из труб отдельных уцелевших домов. Значит, летим!

Вылететь-то вылетели, но попасть в зону не удалось. Случилось так, что даже очень опытный военный летчик Кузнецов, много раз летавший в партизанскую зону, в темноте принял реку Ловать за Западную Двину. Пришлось приземлиться, но передетев линии фронта.

В ночь на 8 декабря снова поднимаемся в воздух. В самолете Р-5 две открытые кабины. В передней — летчик, в задней — Брюханов и я. Сидим так, чтобы в секторе обзора были хвост и обе стороны. На коленях автоматы. Тесно. На земле нам предлагали надеть парашюты, но тогда вдвоем вообще не поместиться в кабине.

Самолет набирает высоту. Небо чистое — ни облачка. Луна освещает укрытую белым снегом землю. Какая кра-

овладеть городом Полоцком, тем самым создав благоприятные условия для освобождения Витебска и для дальнейшего продвижения войск фронта в западном направлении.

К середине декабря 1943 года все приготовления к приему десантного корпуса были закончены. Однако начались непрерывные дожди, туманы. Видимость не позволяла летать. Валетные и посадочные площадки превратились в грязь. Это привело к задержке операции, а затем оперативная группа получила радиограмму об отмене второй части приказа.

сота! Но скоро нам становится не до любования природой. Подъем продолжается, и мороз крепчает. Прижимаемся друг к другу. Летчик оборачивается и показывает на хвост самолета. Это он напоминает, что здесь, между Витебском и Полоцком, часто рыщут истребители противника. Усиливаем наблюдение. Мы подходим к линии фронта. То там, то здесь виднеется зарево пожаров. Горящие постройки с самолета кажутся кострами, орудийные выстрелы и разрывы снарядов — крошечными вспышками. По вспышкам определяем, что внизу идет ночной бой.

В районе линии фронта нас обнаружили. Фейерверк трассирующих пуль окружил самолет, но, к счастью, ненадолго. За линией фронта картина меняется. Появляются темные пятна лесов. Это наши, партизанские леса. Наконец впереди внизу видим красные точки. Одна, две, три... Это костры. Они расположены в точном соответствии с условной таблицей БШПД. Наш Р-5 снижается, делает разворот и идет на посадку. Вот он касается земли, подпрыгивает, пробегает по лесной поляне и останавливается. Глохнет мотор, и наступает непривычная тишина. Благодарим Кузнецова и прощаемся с ним; до рассвета летчик должен возвратиться на Большую землю.

С партизанского аэродрома Новоселье резвые кони быстро доставили нас в район Ушач, где было намечено разместить штаб оперативной группы. Майор А. Ф. Бардадын, который прилетел днем раньше, рассказал нам о новостях в зоне. Последним в ночь на 12 декабря прибыл капитан И. И. Зивенко. Член опергруппы Д. А. Фролов находился в зоне.

Одновременно с опергруппой в зону переправили восемь радистов и прислали пять радиостанций типа «Север», одну радиостанцию типа РБМ, одну — типа В100-А.

Обязанности между членами оперативной группы были распределены еще за линией фронта. На майора А. Ф. Бардадына возлагалась работа по военно-оперативной подготовке партизанских бригад и обеспечению связи с соединениями соседних зон. Кадровый офицер Бардадын прошел школу партизанской борьбы. Весной 1942 года он был командиром Сенненского партизанского отряда. Летом того же года принимал участие в создании Богушевской партизанской бригады. Ходил за линию фронта для установления связи с передовыми частями Красной Армии. Был на приеме командиров партизанских отрядов в Кремле.

Зимой 1943 года, во время карательной экспедиции в Рос-сонско-Освейской зоне, ЦК КП(б)Б и БШПД направили туда Бардадына в качестве своего уполномоченного. Партизаны нанесли тогда противнику значительный урон.

Капитана И. И. Зивенко я знал мельше. Мне рекомендовали его как опытного, исполнительного штабиста, умеющего сочетать теорию с практикой. Очень скоро я в этом убедился сам. Карты, чертежи, планы были его стихией. Все разработки операций мы получали не только в срок, но и в хорошем исполнении. «Слабостью» начштаба было увлечение живописью, которой он ухитрялся немного заниматься, несмотря на загруженность работой.

Обязанности руководителя разведывательной службы опергруппы выполнял капитан Д. А. Фролов, занимавший до этого должность заместителя командира Лепельской партизанской бригады по разведке и имевший немалый опыт в этом деле. В сентябре 1942 года во главе группы смельчаков он подобрался к тюрьме в Ушачах. Они уничтожили охрану и раскрыли тюремные ворота. Ожидавшие казни советские патриоты вырвались на свободу. Операция была проведена так быстро, что фашисты не успели опомниться. После освобождения узников партизаны подожгли склады с имуществом, отойдя в укрытое место и обстреляли размещавшуюся в помещении школы жандармерию, чем переположили весь гарнизон. За эту серьезную операцию, во многом ускорившую полное освобождение от оккупантов Ушачей, Дмитрий Алексеевич Фролов был удостоен высшей награды — ордена Ленина.

Подполковник А. И. Брюханов был прикомандирован к оперативной группе временно как начальник оперативного отдела Белорусского штаба партизанского движения. Он получил задание подробно изучить обстановку в зоне и оказать помощь группе в начальный период ее деятельности. В феврале 1944 года А. И. Брюханова отозвали из группы.

Еще в Центральном Комитете Коммунистической партии Белоруссии и Белорусском штабе партизанского движения обратили наше внимание на то, что сорвать замыслы врага можно только в тесном взаимодействии с соединениями других партизанских зон. Особое значение для нас имело взаимодействие с соединением соседней Борисовско-Бегомльской партизанской зоны, которым командовал Р. Н. Мачульский. К нему мы послали майора

А. Ф. Бардадына. 12 декабря в деревне Осово произошла их встреча. Беседа А. Ф. Бардадына с Р. Н. Мачульским как-то сразу сблизила их. С этого дня командир соединения и член опергруппы стали друзьями. Они понимали друг друга буквально с полуслова, очень быстро приходили к единому мнению.

Имея мощные радиостанции, оперативная группа установила устойчивую радиосвязь не только с бригадами зоны и представительством ВШПД на 1-м Прибалтийском фронте, но и соседними Вилейским, Борисовско-Бегомльским и Сенненско-Оршанским соединениями. Опытные радисты Алексей Протопопов, Василий Асеев, Валентина Обухова, Анна Мазанова, Нина Большакова, Александр Бондарь, Александр Емельянов и другие днем и ночью несли вахту на своем посту, обеспечивая прием и передачу необходимых сведений. В условиях весны и зимы 1944 года, когда партизанам пришлось почти все время вести бои с карателями, значение такой связи внутри зоны, с соседями и с Большой землей было чрезвычайно велико. Штабы всегда знали о происходящих событиях не только на своей территории и в нужный момент помогали друг другу боевыми действиями. Можно без преувеличения сказать, что без тесного взаимодействия с соседними партизанскими зонами мы не смогли бы в течение зимне-весеннего периода противостоять превосходящему по численности, значительно более сильному противнику.

ОПЕРГРУППА НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Опергруппа должна была, не теряя времени, детально разобраться в обстановке, выработать мероприятия по выполнению приказа ЦШПД. Первым делом были уточнены рубежи сопротивления. Выявилось, что не все бригады размещены в соответствии с указаниями начальника ЦШПД. Дислокация и боевые задачи соединений были приведены в точное соответствие с приказом штаба. Вслед за этим опергруппа приняла решение провести совещание командного состава бригад, а затем побывать в партизанских соединениях. Совещание созвали 12 декабря.

Командиры и комиссары бригад прибыли в Ушачи точно в назначенное время. Все они произвели на нас очень хорошее впечатление. По-военному подтянутые, ак-

куратные. Говорят кратко, мысли формулируют четко. Сердце радовалось: замечательных партизанских вожakov воспитала партия.

Комбриги доложили об обстановке. Одним из первых выступил Дмитрий Васильевич Тябут. До войны он преподавал в школе, был заведующим Ветринским районным отделом народного образования, а перед самой войной — председателем райисполкома. В родной район пришел из-за линии фронта с небольшой группой, из которой создал партизанскую бригаду имени К. Е. Ворошилова. Дислоцировалась бригада у железной дороги Полоцк — Молодечно в районе станций Ветрино и Кульган. Дмитрий Тябут молод: ему нет и тридцати. Смел, решителен, быстро ориентируется в боевой обстановке. Бойцы и командиры его любят и уважают.

Дмитрий Васильевич обстоятельно рассказал о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в зимних условиях. Вопрос о подготовке к зиме обсуждался на заседании подпольного райкома партии, секретарем которого являлся сам комбриг. Своевременно были приняты меры по обеспечению партизан теплой одеждой, обувью, маскировочными халатами, продовольствием. В деревнях работали мастерские по изготовлению валенок, завод по выделке кож, две хлебопекарни.

Командование бригады имени К. Е. Ворошилова вместе с Ветринским подпольным райкомом партии своевременно осуществили ряд мероприятий на случай карательной экспедиции. Летом и осенью, используя мягкий грунт и хорошие условия для маскировки, отряды совершенствовали линию обороны, построили запасные дзоты, окопы, блиндажи. Например, на участке отряда «КИМ» кроме основной линии обороны на высотах у деревень Туржец I, Туржец II и местечка Гомель была подготовлена вторая линия на выгодных рубежах у деревень Биккульичи, Светица, Ковалевича. На всех ведущих к вражеским гарнизонам дорогах сделали завалы, сожгли мосты, в отдельных местах на танкопроходимых участках поставили мины.

— А как отнеслись партизаны к сооружению оборонительных линий? — спросили Тябута.

— Многие встретили эту идею скептически, — ответил комбриг, — дескать, что мы в окопах сидеть будем, как на фронте. Но когда было отражено несколько попыток гитлеровцев прорваться, сомнения исчезли.

Кроме того, по распоряжению командования бригады были созданы тайные склады продовольствия, на каждого бойца имелся 13 сухих продуктов. Хорошо потрудились политические работники подразделений. Подготовка к отражению карателей сочеталась с интенсивной боевой деятельностью на железной дороге, шоссе, из засад.

Затем докладывал Дмитрий Тимофеевич Короленко, который после моего назначения руководителем оперативной группы стал командиром Лепельской партизанской бригады. Дмитрий Тимофеевич был кадровым военным. Он готовился к трудностям военного времени еще в мирные дни. Его дочь Тамара вспоминает, что, когда мать журила отца за то, что он по три дня не брал в рот воды, тот отвечал серьезно:

— Так надо. Все может быть...

Закалка очень пригодилась в первые дни военной бури, в партизанском отряде. Свою целеустремленность, рассудительность, хорошо сочетающуюся с разумной смелостью, Дмитрий Тимофеевич внес и в подготовку к возможной встрече с карателями. Кроме обычных оборонительных линий с окопами полного профиля, дзотами и другими сооружениями командование Лепельской бригады распорядилось построить ложные, заметные с воздуха оборонительные рубежи, специальные противотанковые сооружения, создало маневренные ковые группы для нанесения ударов по вражеским флангам и тылам.

Из выступлений на совещании было видно, что работа по сооружению оборонительных рубежей ведется на всем более чем двухсоткилометровом кольце нашей зоны. Много уже сделано. Особенно хорошо потрудились партизаны и мирные жители на участках бригад имени В. И. Ленина, «За Советскую Белоруссию», имени П. К. Пономаренко, «Алексея», имени ВЛКСМ, полка И. Ф. Садчикова и других.

Однако сделанное было лишь началом большой работы по подготовке к отражению неприятеля. Из докладов было ясно, что многие фортификационные сооружения не способны выдержать сильный натиск. Оборонительные линии бригад были недостаточно увязаны между собой, кое-где на стыках рубежей обороны образовались опасные бреши, не везде использовались естественные препятствия местности. Следовало самым серьезным образом усовершенствовать все средства борьбы против танков.

На совещании выяснилось, что в отрядах не хватало боеприпасов. Тола почти не было, патронов осталось в среднем по 15—20 штук на винтовку, по 25—30 на автомат, не более двух магазинов на ручной и двух лент на станковый пулеметы. Обмениваясь мнениями, мы с досадой посматривали в окна. Над землей клубился туман, сливаясь со сплошной низкой облачностью. О ночных полетах в такую погоду нечего было и думать. Оставалось одно: набраться терпения и ждать летной погоды. Как только небо прояснится, самолеты доставят выделенные нам боеприпасы. Только бы каратели не полезли раньше времени.

Участников совещания в Ушачах ознакомили с приказом Центрального штаба партизанского движения об удержании зоны методами активной обороны и спасения населения. Командиры и комиссары с энтузиазмом встретили решение о создании в зоне оперативной группы, главной задачей которой была координация действий партизанских бригад и оказание помощи в решении сложных задач. Командование бригад само ощущало потребность в таком координационном органе. Я разъяснил присутствующим, что оперативная группа вовсе не собирается опекал их по мелочам, обременять наставлениями частного порядка, которые могут сковать инициативу бригад и отрядов. За командованием бригад сохраняется право непосредственной связи через свои радиостанции или через радиостанции соседних бригад с руководящими органами партизанского движения. Оперативной группе они должны были передавать сведения о противнике, доведения о боевой деятельности бригад и их частей.

Само собой разумеется, что все приказы и распоряжения оперативной группы были обязательными для исполнения. В случае необходимости опергруппа могла самостоятельно принимать решения по организационным и оперативным вопросам.

Итак, мы вступали в новый этап борьбы. Одна из его особенностей состояла в том, что предстояло шире, чем прежде, сочетать специфически партизанские формы и методы борьбы с позиционными боями в обороне. Для этого было приказано увеличить глубину оборонительных полос до 12—15 километров, продолжать строить запасные и ложные позиции, превращать населенные пункты и разветвления дорог в мощные узлы сопротивления с хорошо организованной противотанковой обороной.

Подразделения должны были заранее отработать на местности взаимодействие с соседями, маневрирование с использованием гужевого транспорта, подготовиться к тому, чтобы бить противника с фронта, флангов и тыла. Особое внимание уделялось усилению разведки.

Командиры и комиссары бригад от имени партизан Полоцко-Лепельской зоны просили заверить Центральный Комитет Компартии Белоруссии, Центральный и Белорусский штабы партизанского движения, что сделают все для выполнения приказа. Эти слова очень скоро были подкреплены боевыми делами.

После совещания его участники сфотографировались. Эти фотографии и по сей день хранятся у меня. В который раз всматриваюсь в лица своих боевых соратников. Многие из них погибли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, но их славные дела, их подвиги не забыты.

Вот Павел Минаевич Романов, командир партизанской бригады «За Советскую Белоруссию» и секретарь Бешенковичского подпольного райкома партии. Летом 1942 года партия направила его на подпольную работу в Бешенковичский район. Он начал с объединения разрозненных отрядов и групп в партизанскую бригаду «За Советскую Белоруссию». За короткий срок ряды партизан численно удвоились. В отрядах П. М. Романова добился образцовой дисциплины, сумел так организовать политическую и воспитательную работу в частях и среди местного населения, что этому мог бы позавидовать любой пропагандист и агитатор, работающий в мирных условиях. Под командованием П. М. Романова бригада «За Советскую Белоруссию» совершила ряд глубоких рейдов по северной части Витебской области. В свой район она вернулась, овеянная славой многих побед над фашистами. Эту славу бригада приумножила в местах, где начинала боевую деятельность.

На фоне исклеванной пулями и осколками старой ушачской церкви — Алексей Федорович Данукалов. Он в длинной черной овчинной шубе с белым воротником, в шапке-ушанке. Глядя на пышные усы, задумчивые добрые глаза Данукалова, так и хочется назвать его батей. Он и был для партизан отцом, этот отчаянно смелый, всегда твердый, решительный и вместе с тем очень скромный комбриг. Бригада «Алексея» прославилась многими боевыми делами. Стремительные рейды алексеевцев в любую непогоду, по бездорожью, ошеломляющие удары

по гарнизонам, скоплениям войсковых колонн, обозам, коммуникациям наводили на гитлеровцев ужас.

Среди участников совещания — Иван Федорович Кореневский, комиссар партизанской бригады имени В. И. Чапаева и секретарь Ушачского подпольного райкома партии, мужественный и очень обаятельный человек. Высокая требовательность к подчиненным у него как-то своеобразно, если можно так сказать, по-кореневски сочеталась с чуткостью к ним, с согревающей человеческой простотой и заражающей всех бодростью духа. Где бы ни появился Кореневский, даже в сложной боевой обстановке, там воцарялся дух уверенности, оптимизма. Кореневский и на снимке спокойный, уверенный, преисполненный оптимизма, жажды деятельности.

Автором снимков была кинооператор Маша Сухова. С кинооператорами у нас была давнишняя дружба. В эту зиму кроме Маши в зоне находилось еще двое кинооператоров — Оттилия Рейзман и Семен Школьников. Маша Сухова уже не раз переходила линию фронта, бывала во вражеском тылу, и друзья считали ее ветераном. Труд кинооператора-документалиста целого и в мирных условиях. Нужно быть действующим виртуозом, чтобы успеть подобрать нужный объект для съемок, найти самую верную точку, справиться с громоздкой аппаратурой, учесть при этом десятки непредвиденных мелочей, которые улавливаются каким-то шестым чувством.

Втроем трудно оператору в боевой обстановке, когда приходится снимать под свет пуль, при разрывах снарядов. Маша Сухова умела это делать превосходно.

Мы старались максимально облегчить и обезопасить труд кинооператоров. Особая сложность состояла в том, что боевые операции по взрыву эшелонов, автомашин и т. д. партизаны обычно совершали немногочисленными группами, которым легче скрытно подойти к объекту и бесшумно минировать его, легче маневрировать. Когда к такой группе присоединялся кинооператор, все усложнялось. Нужно было создать условия для съемок, прикрыть, помочь таскать нелегкую ношу. Маневренность группы снижалась, возрастала опасность быть отрезанными, окруженными.

Сложность состояла и в том, что кинооператоры обычно не хотели довольствоваться, так сказать, рядовой операцией. Им подавай выдающуюся, с которой не стыдно выйти на экран. Но ведь ее и снимать труднее. Маша Сухо-

ва старалась снимать преимущественно такие операции. Многие ее кадры вошли в кинофильмы «Народные мстители», «Освобождение Советской Белоруссии», «Великая Отечественная», «Дорога без привала».

В качестве ассистента оператора Сухова принимала участие в съемках документального кинофильма «Разгром немецких войск под Москвой». Когда партизаны узнали об этом, они стали относиться к ней с особым уважением и симпатией. Шутка ли сказать: девушка собственными глазами видела, как начинался важный поворот в ходе Отечественной войны. И не только видела, но и принимала участие в создании фильма об этом великом событии.

Пошли расспросы: как все это было, видела ли Маша их земляка генерала Льва Доватора? Маше приходилось рассказывать не только о том, что видела под Москвой, но и о себе. А судьба у нее трудная, не совсем обычная. На киностудию она пришла по комсомольской путевке. Профессии не было, образованием тоже не могла похвастать, и определили Машу уборщицей. Потом перевели в лабораторию. Жадно привялась Маша за учебу, постепенно освоила все процессы обработки пленки. Из книг, которые читала за ночь, очень много узнала о других сторонах кинопроизводства. Особенно интересовалась девушка работой оператора. Киноаппарат тянул ее к себе как магнит. Маша добилась своего. В 1941 году она стала ассистентом оператора. Женщин-операторов тогда было очень мало. Как и шоферское, операторское дело считалось чисто мужским.

— Трудно было поначалу, особенно в боевых условиях, — рассказывала Маша, — но ничего, привыкла.

Стать военным оператором Маша Сухова готовилась вместе с Оттилией Рейзман. Учились стрелять, прыгать с парашютом. Получив обмундирование и оружие, иногда прогуливались по Москве.

— Ребята со студии над нами подшучивали, — вспоминает Оттилия, — что мы теперь самые красивые девушки на Петровке: ходим в новеньких ползубухах и в салогах, горделиво поскрипывая ремнями.

В последний раз к нам в зону Маша Сухова прилетела в 1943 году, в самый разгар «рельсовой войны». Девушки очень много работали. Вели себя мужественно, особенно Маша. Рейзман говорила, что с Суховой ей нигде не страш-

но. Однажды девушки попросили помочь им спрятать, как немцы, чтобы обезопасить себя от внезапного нападения партизан, вырубая лес вдоль шоссе. Выделили мы им подводу, охрану, и кинооператоры отправились на задание. Девушки не ограничились съемками. Они решили попутно испортить телеграфно-телефонную связь противника. Спилили несколько столбов, перерезали провода. Так увлеклись работой, что чуть не просмотрели подошедших гитлеровцев. Маша заметила их первой. Партизаны предложили отойти. Но девушки и слушать не хотели. Решили встретить врага огнем. Сани отогнали в сторону, а сами залегли и, когда фашисты подошли совсем близко, открыли огонь из автоматов. Нанеся гитлеровцам потери, девушки вышли из боя невредимыми. Только у Маши пуля пробила полушубок.

Пришлось пожуричь девушек, разъяснить, что у них свое, очень ответственное задание и что устраивать засады и завязывать по своей инициативе перестрелки с противником им не разрешается. Снять на пленку будни и боевые действия партизан — вот их прямая обязанность, остальное — наша забота, наш долг. Девушки, конечно, со всем согласились и затаившись, но было видно, что они ничуть не сожалеют о случившемся. По-человечески их можно было понять, но, если разобраться, по молодости они многим рисковали.

Зиму 1943/44 года москвичи прожили в деревнях. Кинооператоров везде встречали радушно. Деревенские женщины надвинуться не могли, как это простые девушки, а таким мудреным делом овладели. Охали и вздыхали, радовались и плакали. Искренне жалели уходящую в лихолетье девичью красу и молодость и тут же хлопотали в кладовых и у загнеток, стараясь получше угостить отважных девушек.

Кинооператоры приняли активное участие в боях в период апрельско-майской блокады.

Почти одновременно с нашим состоялось совещание командного состава партизанского соединения Борисовско-Бегомльской зоны. Присутствовали командиры и комиссары бригад. Майор А. Ф. Бардадын ознакомил участников с приказом ЦШПД. Были намечены мероприятия по удержанию зоны и спасению мирного населения. С Р. Н. Мачульским, секретарем Минского подпольного обкома партии и командиром партизанского соединения, условились о

взаимодействии и средствах связи с нашим соединением. В январе А. Ф. Бардадын как представитель опергруппы принял участие в совещании командиров партизанских бригад Сенненско-Оршанской зоны. Совещание состоялось в деревне Волова Гора, недалеко от Лепеля. На нем присутствовали комбриг Ф. Ф. Дубровский, его заместитель С. В. Маркевич, комбриги В. С. Леонов, А. Д. Гурко, П. И. Кириллов, Н. П. Петровичев и другие. С ними также договорились о взаимодействии и связи. Это было новым отрядным явлением в действиях крупных партизанских соединений.

После совещания члены нашей опергруппы побывали в партизанских бригадах. На это ушло несколько дней. Впечатление от поездки было хорошее. Везде соблюдалась строгая воинская дисциплина, моральный дух бойцов и командиров был высок, партизаны деятельно готовились к решительным боям. Оружие находилось в хорошем состоянии. У партизан имелись главным образом винтовки, карабины, автоматы, ручные и станковые пулеметы, трофейное оружие. Но боеприпасов к ним было недостаточно. Особым почетом пользовалась у партизан так называемая карманная артиллерия — ручные гранаты различных систем. Гранаты для партизана незаменимый вид оружия, они несколько восполняли недостаток в противотанковых ружьях и минометах.

Широкое распространение получила простая по конструкции, безопасная в обращении и надежная в работе партизанская ручная граната (ПГ), созданная самими партизанами. Было налажено массовое производство ПГ. Выпускались они в различных вариантах — от двухсотграммовых до полутоннальных противотанковых. Осенью 1943 года партизаны смастерили партизанский гранатомет (ПРГ). Так же как и граната ПГ, гранатомет отличался простотой устройства и мог быть изготовлен в любой нашей мастерской.

Мастерские по производству и ремонту оружия, выплавке тола из неразорвавшихся снарядов и авиабомб в конце 1943 — начале 1944 года имел почти каждый крупный партизанский отряд. В этих затерянных среди глухих лесных чащоб и топких болот оружейных мастерских, зачастую очень примитивных, творчество партизанских инженеров и техников было ключом. Партизанские умельцы создавали собственные автоматы и даже пушки. Техниче-

ская смекалка наших пушкарей до сих пор поражает посетителей Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Угроза вторжения в партизанскую зону крупных сил карателей заставила принять дополнительные меры по увеличению мощности оружейных мастерских. Их удалось пополнить инструментом, материалами, а кое-где даже станочным оборудованием. Партизаны, в большинстве своем местные жители, многое из необходимого для оборудования мастерских приносили из дому, недостающее брали с боем при разгроме гарнизонов, обозов, эшелонов. Благодаря принятым мерам удалось увеличить производство мпн разного назначения, особенно противотанковых, гранат и другого вооружения.

В районах расположения партизанских бригад имени П. К. Пономаренко, «За Советскую Белоруссию», имени В. И. Ленина мужчины всех возрастов по собственной инициативе стали изготавливать финки, кинжалы, пики, шашки и приходили в партизанские отряды с просьбой включить их в боевые взводы. Патристическое начинание по изготовлению холодного оружия было одобрено опергруппой. В письме партизанским соединениям и подпольным райкомам партии она рекомендовала создать в каждом населенном пункте зоны боевые дружины из местных жителей, вооружить их холодным оружием, силами самообороны организовать круглосуточное патрулирование и наблюдение за местностью и воздухом.

Не остались без внимания скнндарно-дегтярные заводы, производившие главным образом оружейно-смазочные материалы и зажигательную смесь для борьбы с танками, столярно-бондарные мастерские, где изготавливались сани, телеги, лыжи. Все было подчинено задаче подготовки к отражению неприятеля.

Во время поездки по бригадам члены оперативной группы интересовались условиями расселения и быта мирных жителей. Полоцко-Лепельская партизанская зона была как бы на особом положении. Фактически ее территория была недоступна для оккупантов. Все попытки гитлеровцев сжечь урожай 1943 года потерпели неудачу. Осенью и зимой вражеские стервятники прекратили налеты на населенные пункты, и жизнь в зоне текла сравнительно спокойно.

С наступлением холодов населения в зоне прибави-

лось. Спасаясь от фашистских варваров, сюда пришло около 20 тысяч человек из деревень, находившихся за пределами зоны. Командование бригад, райкомы партии позаботились о размещении беженцев и погорельцев в домах, обеспечили их продуктами питания и всем необходимым.

Тепло принимали крестьяне своих братьев, прибывших из-под Орши, Витебска, Бешенковичей, Полоцка, делились с ними всем, что имели. В этом ярко проявились благородные черты советских крестьян, сложившиеся в процессе социалистического преобразования деревни.

Колхозник из деревни Илющино Городецкого сельсовета Ушачского района Тимофей Хрипель в честь дня Красной Армии сделал трое саней для общего пользования сельчан и партизан. Можно привести множество подобных примеров. Опасность сблизила, сплотила людей. Все жили одним желанием, одной думой: не допустить в партизанскую зону врага. Именно в эти дни были подхвачены строки неизвестного партизанского поэта:

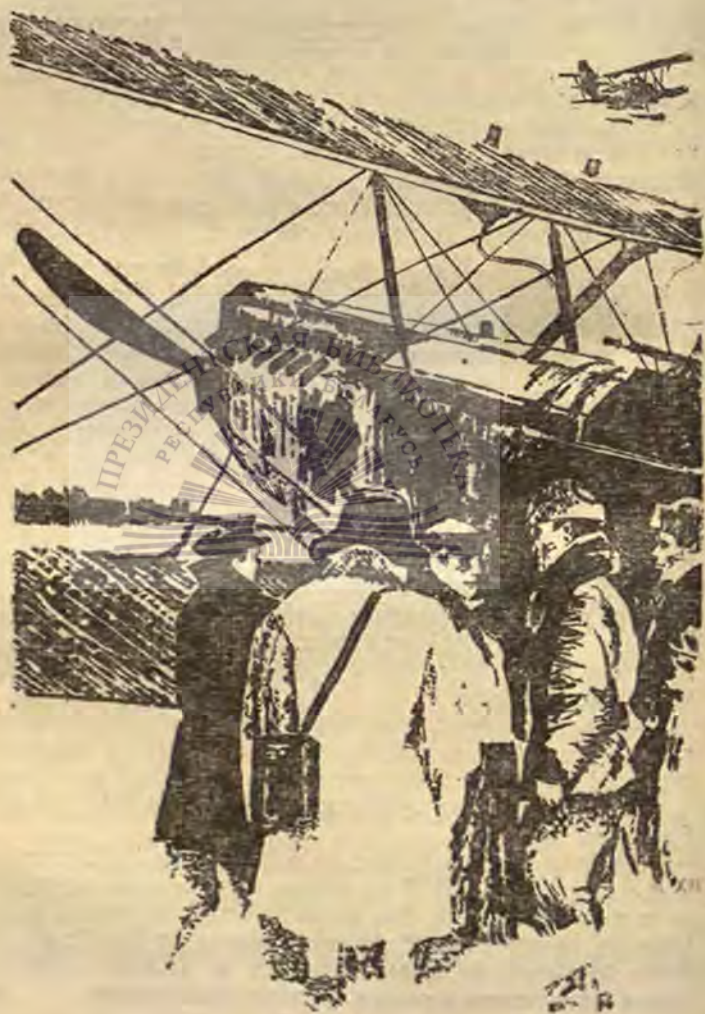
Мы стоим на левом берегу,
Мы не дадим пройти сюда врагу.

Край голубых белорусских озер защищали русские и белорусы, украинцы и казаки, грузины и узбеки, армяне и туркмены, поляки и венгры, чехи и французы, словаки и перешедшие на сторону партизан немцы. С группой бывших немецких солдат во главе с унтер-офицером мы познакомились в одном из отрядов бригады имени К. Е. Ворошилова. Их было четырнадцать. Они сами пришли в отряд и принесли с собой миномет, станковый и ручной пулеметы, 14 винтовок и карабинов, много боеприпасов. На вопрос, почему решили перейти на сторону партизан, ответили:

— Военный крах Германии неизбежен. Сопротивление стало бессмысленным. Гитлер подло обманул немецкий народ. Теперь это понимают многие офицеры и солдаты.

Перебежчики из вражеских гарнизонов были во всех бригадах.

Обширная партизанская зона площадью 3245 квадратных километров с 1220 населенными пунктами превратилась в единый лагерь. Мы нигде не слышали жалоб, не видели на глазах слез. Решимость устоять в борьбе можно было прочитать на лицах партизан и мирных жителей. Люди были готовы к самым трудным испытаниям.

СЛОВО О РАЗВЕДЧИКАХ

Давно не было такой снежной зимы. Метели начались в конце ноября. Снег валил тяжелыми хлопьями. У белорусов есть такое слово — коўдра. Это что-то вроде коврового одеяла; их в былые времена ткали белорусские женщины. Обильные снега и называются этим сочным и емким словом. Снег и впрямь огромным ослепительно-белым ковром укрыл землю. Сказочно красив лес. Причудливы наряды молодых сосен, елей.

Во второй половине декабря подули северные ветры. Закружило, завьюжило над полями. Замело все дороги, в низинах образовались сугробы, над обрывами нависли острые снежные козырьки, по ледяной гряде озер мела поземка.

В такую зиму сидеть бы в теплой избе, дивиться морозным узорам на стеклах окон да слушать зимнюю вьюгу. Но сидеть в тепле не пришлось. Надо было укреплять линии обороны. На работу выходило все, кто мог быть полезен. Поистине небывалый подвиг совершили люди, просто каким-то чудом сумевшие меньше чем за два месяца в зимнюю стужу построить на границах зоны более 800 двух- и трехнакатных дзотов, много окопов, ходов сообщения, противотанковых рвов и других фортификационных сооружений. Одновременно были разрушены основные дороги. Партизаны и мирные жители превратили оборонительные полосы в мощные линии сопротивления. На каждого партизана приходилось до 12 огневых точек — от дзотов до ячеек для стрельбы с колена. В основу схемы оборонительных полос был положен принцип укрепления населенных пунктов и разветвлений дорог, превращения их в узлы сопротивления.

Благодарного слова заслуживают мирные жители Ушачского, Полоцкого, Ветринского, Бешенковичского, Лепельского, Докшицкого районов — женщины, старики,

подростки, строившие фортификационные сооружения. При помощи лопат и кирок приходилось долбить мерзлый грунт, рыть котлованы под дзоты, окопы, прокладывать ходы сообщений, делать просеки в лесах. Для саперных сооружений нужно было заготовить и вывезти большое количество лесоматериала. Это был тяжелый, изнурительный труд, но люди вынесли все, потому что понимали: это нужно для победы.

Работали с огоньком, боевым задором. Гул фронтовой канонады, вести о победах партизан придавали людям силы, гнали прочь усталость.

Как мы и предполагали, внимание немецко-фашистского командования в связи с потерей железных и шоссейных дорог Орша — Витебск и Полоцк — Витебск все это время было приковано к единственной дороге Витебск — Лепель — Парафьяново, которая соединяла 3-ю танковую армию с тылами. Владение этой дорогой действительно приобрело для армии жизненно важное значение. Однако дорогу нельзя было использовать для регулярного снабжения войск. Командование вражеской армии прилагало немалые усилия, чтобы любой ценой поддерживать на дороге движение.

Собрав довольно крупные силы, 5 декабря противник овладел местечком Шинно. Как раз в те дни, когда в зону прибыла оперативная группа, партизанские секреты заметили подозрительную возню гитлеровцев в районе Докшицы — Крулевищина — Парафьяново. Слово было за разведчиками. Уже 11 декабря поступили первые данные из различных источников и от войсковой разведки. Оперативной группе стало известно, что командующий 3-й танковой армией приказал бригаде изменника Каминского* и войсковой группе, которая дислоцировалась в районе Докши-

* Бронислав Каминский был судим в период шахтинского процесса. После отбытия наказания притаился на спирто-водочном заводе в городе Локоть. С приходом гитлеровцев он стал помощником бургомистра, а затем бургомистром в Локоти. Опасаясь, что его постигнет участь казней партизанами бургомистра К. Воскобойникова, Каминский увеличил охрану управы, вербуя в свой отряд всякий сброд. Так отряд вырос в бригаду. Ее путь через Лепель, Волковыск, Белосток, Петраков залит кровью советских людей, преимущественно беззащитных мирных жителей. В конце 1943 года за подобные «заслуги» фашисты присвоили Каминскому звание генерал-майора, а затем, когда надобность в нем отпала, расстреляли.

цы и смежных населенных пунктах, овладеть дорогой Лепель — Докшицы и обеспечить сквозное движение автомобильных колонн.

Численность вражеской группировки в районе Лепеля составляла до 3 тысяч человек с 2 тяжелыми, 4 средними танками, бронемашинной, орудиями разного калибра и 33 минометами. Докшицкая группировка была еще более многочисленной. Ей придали 4 дивизиона тяжелой артиллерии и тяжелых минометов. Авиаподразделение двухмоторных бомбардировщиков получило задание прикрывать обе группировки. Каждый самолет должен был совершать много вылетов в день.

Одновременно в штаб поступили сведения из районов Уллы, Полоцка и Прозорок. В этих местах были также сосредоточены войска противника. Им было приказано скрывать действия партизан, отвлекать силы народных мстителей и тем облегчать решение задач, поставленных перед двумя южными группировками.

Перепроверка подтвердила эти сведения. Оперативная группа приняла решение усилить южный участок зоны партизанскими бригадами: 16-й Смоленской, 1-й Антифашистской, «Алексея». Они, выполнив приказ о передислокации, совершили трудные переходы по заснеженным снегами дорогам.

Свои действия противник начал с разведки боем. В течение трех дней он прощупывал партизанскую оборону, выискивая в ней слабые места. По приказу опергруппы в ночь на 14 декабря партизаны овладели несколькими населенными пунктами, разгромив вражеские гарнизоны. В ходе боев, продолжавшихся до конца декабря, противнику удалось несколько потеснить партизан. Заняв дорогу Пышно — Березино, гитлеровцы превратили в сильные узлы сопротивления основные населенные пункты на ней — Пышно, Путылковичи, Березино и некоторые другие. Однако главной цели противник не достиг. Сквозное движение автогужевого транспорта по дороге Лепель — Докшицы ему так и не удалось открыть. Партизаны продолжали непрерывно минировать дорогу, обстреливали из засад продвигавшиеся по ней части.

Бывший гитлеровский штабной офицер полковник Людендорф подтверждает, что в районе дороги Лепель — Березино — Парафьяново партизаны угрожали оккупантам «практически ежедневно в течение всего периода боев

зимой 1943/44 года, а также тогда, когда танковая армия была вынуждена отодвинуть свою линию фронта на несколько километров к западу... Для того же, чтобы поддерживать движение на этой жизненно важной дороге, у нас... не было необходимых сил*.

Много бессонных ночей провели мы в штабе оперативной группы под Упшачами, ломая голову, как провести гитлеровцев. Партизаны оставляли позиции только по одной причине — из-за отсутствия боеприпасов. Военная хитрость, взаимодействие и взаимная выручка бригад и отрядов, доблесть бойцов и командиров в этих условиях как бы восполняли недостаток в боевых средствах. Укрепление боевого содружества заметно повысило боеспособность партизанских соединений. Четкость их действий вводила противника в заблуждение. По показаниям пленных, в войсках гитлеровцев создалось мнение, что в пышнянско-докшицкой операции участвуют регулярные части Красной Армии. Все лишнее раз убедились, что создание единого командования в зоне было своевременным и необходимым мероприятием. Штаб поддерживал непрерывную связь со всеми партизанскими бригадами по телефону (линии связи имели длину более 400 километров); для связи с бригадами использовались радио и конные посыльные. В случае необходимости члены оперативной группы проводили совещания нескольких командиров и комиссаров бригад на боевых участках. Все это облегчало координацию боевых действий, повышало их эффективность.

Но пышнянско-докшицкая операция выявила и «узкие» места. Первым среди них была организация разведки. Конечно, мы и до этой операции не действовали вслепую. Речь не об этом. Но усложнение боевых задач, которые приходилось решать партизанским соединениям, требовало более глубокого и всестороннего изучения маневров и намерений врага.

Как известно, партизанская разведка имеет две основные функции. Во-первых, она должна обеспечивать командование достоверной информацией о планах противника. В противном случае враг перехватил бы оперативную инициативу и мы не смогли бы наносить упреждающие удары, совершать эффективные контрманевры. Во-вторых,

* Ч. О. Диксон и О. Гейльбрум. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, стр. 83.

точные разведданные необходимы для того, чтобы обеспечить успех собственных боевых операций. Не имеет абсолютно никакого смысла предпринимать налет на вражеский гарнизон, не зная его численности, расположения основных огневых точек, постов и т. д. Но в новых условиях этого оказалось недостаточно. Надо было научиться разрозненные факты соединять в целостную картину скоординированных действий противника. Разведданные, которыми мы располагали в ходе декабрьской операции, были неполными. У нас, например, не было сведений о нумерации многих действовавших против нас вражеских частей, их численности, вооружении, мы не знали имен некоторых командиров, весьма приблизительными были данные о передислокации частей и подразделений противника.

Как выяснилось, в бригадах отдавалось предпочтение разведке в гарнизонах врага. Значительно меньше применялись разведка боем, поимка «языков». Обо всем этом шел большой разговор на совещании заместителей командиров партизанских бригад по разведке, которое состоялось в штабе опергруппы 15 декабря 1943 года. Перед командованием бригад и отрядов была поставлена задача всемерно активизировать разведывательную работу, широко используя богатый опыт подпольщиков в сочетании со всеми видами войсковой разведки.

Прошло немного времени, и в оперативную группу стали поступать ценные, тщательно проверенные разведданные. Сочетание различных видов разведок дало положительные результаты. Хорошо поработали разведчики бригады имени В. И. Чапаева. Они захватили ценного «языка» — унтер-офицера связи — и добыли план обороны города Полоцка. Были установлены численность полоцкого гарнизона, расположение частей, их вооружение, место и характер ведущихся фортификационных работ. Все данные были перепроверены, и мы точно знали, что танковое подразделение в составе 7 танков расположено на улице Карла Маркса, гаубичная батарея установлена на углу улиц Советская и Пушкинская, а 5 дальнобойных пушек — по дороге Полоцк — Ушачи и даже что хозяйка № 514 в начале января выехала в направлении Молодечно. Представляли интерес сведения о работах по сооружению блиндажей, дзотов, окопов. Было точно выяснено, что постройка оборонительных укреплений ведется в железнодорож-

ном саду, возле кинотеатра, у бывшего Дома Красной Армии, в парках.

Разведчики Лепельской партизанской бригады захватили «языка», который дал ценные сведения о вооружении бригады предателя Каминского и намерении немецкого командования в скором времени предпринять наступление на партизан из района Лепель — Камень в направлении Ушачей. Войсковая разведка вскоре подтвердила, что 2 полка бригады Каминского находятся в Лепеле, а третий — в гарнизонах. На вооружении бригады имелось 7 танков, 5 пушек, 2 бронемашины, 2 зенитных и 4 крупнокалиберных зенитных пулемета. Подробные сведения были собраны также об оборонительных сооружениях Лепеля. После разгрома в октябре лепельского гарнизона партизанами оккупанты и их приспешники приняли меры по укреплению обороны города. Он был опоясан окопами, дзотами, блиндажами. На вооружении охранных частей имелись минометы, ручные и станковые пулеметы.

Оперативная группа вскоре получила реальное представление о силах и намерениях противника в полосе каждой бригады. Мы, например, точно знали, что на аэродроме в Улле находится 4 вражеских истребителя, в задачу которых входит наблюдение за партизанскими укреплениями бригад имени В. И. Чапаева, имени В. И. Ленина, «За Советскую Белоруссию». Численность гарнизона в Улле колебалась от 1500 до 2000 человек. Это были преимущественно остатки разбитых на фронте частей, выводимых сюда на переформирование и пополнение на 15—20 дней.

Гарнизоны в Бешенковичах и Бочейкове насчитывали до 1000 человек. Разведка установила и вооружение гарнизона в Бочейкове — 3 пушки, 7 батальонных минометов, 10 станковых пулеметов и 23 ручных. В других гарнизонах Бешенковичского района было около 900 оккупантов.

В прифронтовой полосе происходило постоянное передвижение войск. Поэтому было очень важно, хотя и трудно, вести постоянное наблюдение за передислокацией войск противника у границ партизанской зоны. И эта задача оказалась по плечу разведчикам. Вот, например, какие наблюдения были сделаны партизанской разведкой. В начале января находившаяся в Бочейкове часть выехала в направлении Чапинки. Ее сменили гитлеровцы из гарнизонов, размещенных в деревнях Железки, Новое

Село, Скакуновщина, а в эти мелкие гарнизоны перебравшись оккупанты из Уллы. В это же время в Бочейково прибыл штаб дивизии, в окрестных деревнях разместились танковые мастерские, а в деревне Промыслы — автомастерская. Такие сведения представляли большой интерес и для нас, и для армейского командования. Мы их использовали при проведении боевых операций, военное командование — при нанесении ударов с воздуха и для других целей.

Примерно через месяц после инструктивного совещания заместителей комбригов по разведке опергруппа провела проверку разведывательной работы. Проверка показала, что в большинстве бригад положение заметно улучшилось. Но были выявлены и недочеты. Иногда сведения, поступающие из двух-трех источников, противоречили друг другу. Например, в гарнизоне Глубокое, по одним сведениям, в конце декабря находилось 700 вражеских солдат и офицеров, а по другим — 200. Иной раз сведения поступали с опозданием и утрачивали свою ценность. Но везде было организовано постоянное наблюдение за гарнизонами противника.

По итогам проверки оперативная группа подготовила специальное письмо, которое было разослано в бригады. В целях дальнейшего улучшения разведывательной работы в письме предлагалось тщательно перепроверять донесения, усилить работу по поиску ценных «языков», внимательно следить за передислокацией войск противника, устанавливать не только численность, вооружение частей, но и их номера или номера полевых почт.

Оперативная группа уделила большое внимание организации контрразведывательной работы. Оккупанты засылали в зону шпионов, террористов, диверсантов. В Лепельской партизанской бригаде был выявлен вражеский агент, посланный туда для организации террористических актов против командования партизанской зоны. Крутые террористы были задержаны в бригаде имени П. К. Пономаренко, в полку И. Ф. Садчикова. Были приняты меры по усилению охраны питьевых источников, продовольственных складов, скотобоев, куда также стремились проникнуть вражеские диверсанты.

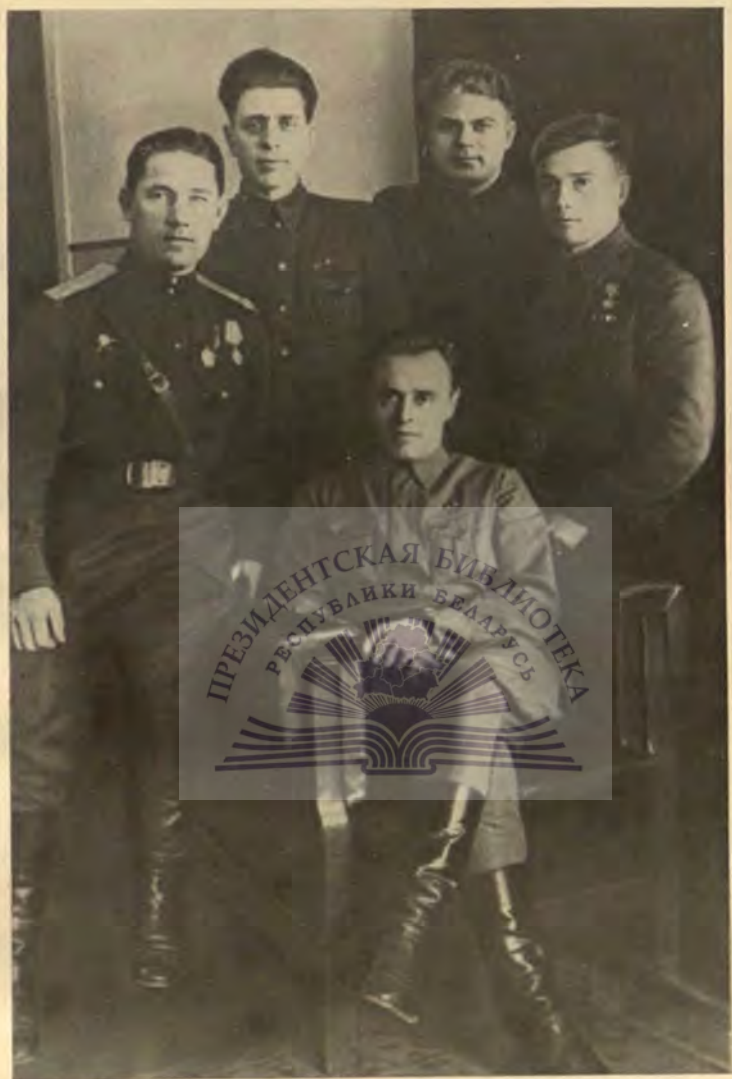
В очень сложных условиях пришлось работать партизанским разведчикам. Враги, окружавшие нас со всех сторон, наращивали силы. Положение в зоне осложнилось. Однако благодаря хорошо поставленной разведке происки

врага не застигали нас врасплох. Разведчики были нашими глазами и ушами, предупреждали о грозящей опасности, минуя секреты и патрули, водили в тыл группировок противника, откуда партизаны наносили неожиданные удары по врагу. Когда же настало время самых тяжелых испытаний — тех испытаний, которые потребовали от всех нас, бойцов и командиров, партизан и мирных жителей, подлинного бесстрашия, невероятного напряжения нервов, громадной выдержки и силы воли, разведчики тоже шли в первых рядах. Таков закон войны: всякий бой начинается с организации разведки.

Сложную и очень опасную работу наших разведчиков умело направлял руководитель всей разведывательной службы в зоне капитан Д. А. Фролов. Он многое сделал для ее улучшения. Под стать ему были заместители командиров бригад по разведке Н. Н. Маяков, Л. А. Полетаев, К. А. Яско и другие. В полку И. Ф. Садчикова ходили легенды о командире отделения, позже комиссаре отряда И. М. Дредуне. Спокойный, неразговорчивый, в боевой обстановке он буквально преображался. Однажды, будучи раненым, Дредун с отделением 12 часов подряд вел неравный бой с окружившими его врагами и вышел победителем. Дредун не был профессиональным разведчиком, но взял четырех «языков», и среди них видного немецкого контрразведчика. По праву гордились партизаны разведчиками Михаилом Титовым и Брониславом Крижицким из бригады имени ВЛКСМ, Олегом Зелинским, заместителем командира этой же бригады, разведчицей Фросей Корень и многими другими.

В бригаде «Октябрь» смело действовали девушки-разведчицы. Инна Райсп была начальником отрядной разведки. Она славилась не только смелостью, инициативой, оперативностью, но также высокой точностью и аккуратностью. В разведке эти качества просто бесценны. Немало пойманных «языков» было на счету у Инны Райсп и ее бойцов. В боевой обстановке она действовала спокойно, расчетливо. Мужественная комсомолка сохранила хладнокровие и тогда, когда лицом к лицу встретилась с группой гитлеровцев. Инна выхватила пистолет и в упор убила немецкого офицера, но и сама упала, сраженная очередью фашистского автоматчика.

Разведчица Тамара Шкеленок была жизнерадостной, общительной девушкой. Она легко сближалась с людьми-

1943 год. Встреча в Москве (слева направо): Герой Советского Союза Ф. И. Павловский, секретарь ЦК КП(б)Б В. И. Малин, секретарь ЦК КП(б)Б, начальник ВШПД П. З. Калинин, член ЦК КП(б)Б В. И. Выходцев, Герой Советского Союза В. Е. Лобанок.

П. И. Рыжиков.

П. И. Зиненко.

Д. А. Фролов.

Д. В. Тябуг.

Командиры и комиссары партизанских бригад прибыли на совещание оперативной группы в Ушачи.

И. Ф. Корневский.

Н. А. Сакмарин.

П. М. Романов.

М. А. Тябуг.

Еще одним мостом станет меньше.

В. Э. Талаквядзе.

Е. И. Демидова.

Г. А. Криулик.

С. А. Пацей.

Взаимодействие — основа успеха. В. Е. Лобанок, командир бригады «Дубова» Ф. Ф. Дубровский и командир бригады имени В. И. Чапаева В. В. Медвников после оперативного совещания.

Свежие газеты. Партизанская бригада имени В. И. Чапаева.

Последние новости.

И. М. Тимчук.

Н. Д. Пузыков.

Б. П. Комлев.

А. Д. Шакова.

Партизанское знамя.

Командование 1-го отряда Лепельской партизанской бригады имени И. В. Сталина (справа налево): М. М. Малков, командир; Н. Е. Циковой, комиссар; А. Д. Королевич, начальник штаба.

Летчики 105-го гвардейского авиационного полка перед вылетом в блокированную карателями зону.

Группа летчиков, доставлявших оружие и боеприпасы партизанам (слева направо): И. И. Каширин, Ш. Д. Таралов, Д. П. Кузнецов, А. В. Жога, С. А. Полоневский, Ярославский, А. С. Моденов.

Дети будут жить. Летчик Александр Мамкин перед вылетом в рейс.

В. И. Панкрат, 12-летний разведчик 3-го отряда партизанской бригады «Октябрь».

А. И. Конопелько.

Д. Т. Короленко.

С. М. Шабашов.

П. А. Хомченко.

В. Л. Качан.

И. К. Алексеев.

ми. Эти черты характера очень пригодились ей в разведке. Тамара имела верных помощников и надежную связь с подпольщиками, которых попутно снабжала минами.

Разведывательные данные, поступавшие в штаб в течение второй половины декабря 1943 года и в начале января 1944 года, показали, что противник продолжал наращивать силы у границ Полоцко-Лепельской зоны. Он усиливал старые, создавал новые гарнизоны, вел активную авиа- и наземную разведки. И все же необходимых для уверенных действий против партизан сведений вражеские штабы не имели ни в начале года, ни весной. «Положение с партизанами на западной границе Ушачского района,— отмечалось в докладной штаба 3-й танковой армии в конце февраля 1944 года,— мало доступно разведорганам... армии и по-прежнему остается невыясненным»*. В этой же докладной штаб армии сетует, что отказ верховного командования на ходатайство армии, которая намерена была для борьбы с партизанами на левом берегу Двины между Уллой и северным краем большого бассейна озер применить 131-ю пехотную дивизию, не представляет возможности также и в будущем разведать положение на западном берегу Двины**. Выходит, для противника оставалось «невыясненным» положение не только у западных, но также и у северо-восточных границ зоны. Правда, в донесении есть упоминание об оперативном центре, но что это за центр, кто его точно возглавляет, говорится лишь предположительно. Дорого обошлась гитлеровцам такая неосведомленность.

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ СЧАСТЛИВЫЙ

Ночь под новый, 1944 год выдалась морозная, ясная. Высокий бархатный купол неба был густо усыпан звездами. Ковш Большой Медведицы висел прямо над Двиной, словно собирался зачерпнуть в полынье холодной и прозрачной воды. Мороз все крепчал, до костей пробирая часовых. У партизан сильно мерзли ноги, но стучать валенками в пастороженном лесном безмолвии запрещалось. Мороз стал донимать даже деревья, их треск отвле-

* ПА НИП при ЦК КПБ, ф. 3500, оп. 1, д. 888, л. 110.

** Там же.

кал внимание, мешал слушать и смотреть. Посты на рубежах обороны были повсеместно усилены.

В самую полночь секреты на участке обороны партизанской бригады имени В. И. Чапаева, находившиеся километрах в трех от Западной Двины, вдруг увидели, как за рекой в небо взвились сотни разноцветных ракет, вслед за ними потянулись ниточки трассирующих пуль. Это гитлеровцы салютовали Новому году. Партизаны не отметили приход серок четвертого салютами: надо было беречь патроны.

Правда, к Новому году положение с боеприпасами несколько улучшилось. В последних числах декабря, несмотря на нелетную погоду, над зоной на высоте 200—300 метров пронеслась группа скоростных советских бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Мирные жители и партизаны были поражены необычным зрелищем. Люди от радости бросали вверх шапки, бежали вслед пролетевшим самолетам.

— Наши прилетели!..

Надо было видеть, как поднялось у людей настроение. Особенно порадовали партизан «посылки» с Большой земли: самолеты сбросили около 100 тысяч винтовочных и автоматных патронов. Это было большое, в прямом смысле свалившееся с неба счастье. К сожалению, удалось собрать не весь груз: часть ящиков разбилась, патроны рассыпались и потерялись в глубоком снегу.

Скоро устоялась детская погода, были налажены регулярные рейсы У-2. Только за декабрь — январь они доставили в зону около 700 тысяч винтовочных и автоматных патронов, а также патроны для противотанковых ружей, гранаты, тол. перевязочные материалы. Обратными рейсами было вывезено около 300 раненых партизан.

Боеприпасы мы получили как раз в тот момент, когда они были больше всего нужны. Дело в том, что в первых числах января из различных источников стали поступать сведения о подготовке новой вылазки карателей. В районе Лепеля удалось захватить «языка», заведующего делом производством штаба бригады предателя Кампинского, — некоего Котова. «Язык» оказался довольно осведомленным. На допросе он рассказал о готовящемся наступлении карателей.

— Когда намечается начало операции?

— В середине января.

— Точнее.

— Ориентировочно числа семнадцатого или восемнадцатого. Но дата, по-видимому, будет уточнена.

Предатель занкивал перед партизанскими командирами, унижался, молил о пощаде, рассказывал все, что ему было известно о планах своих хозяев. Было противно смотреть на этого трусливого подонка.

Продолжая давать показания, Котов рассказал о секретном совещании у командующего 3-й немецкой танковой армией генерал-полковника Рейнгардта, на котором присутствовал заместитель Каминского.

— Какие силы собираются использовать фашисты?

— Бригаду Каминского, охранные, эсэсовские части, местные полицейские гарнизоны.

— И все?

— Генерал обещал выделить также две регулярные дивизии. После боев под Невелем они сейчас находятся на переформировании.

— Где?

— Кажется, в Улле.

Перепроверка подтвердила эти сведения.

Итак, предстояла новая встреча с Рейнгардтом. Этот гитлеровский генерал приобрел известность еще в 1940 году, когда командовал танковым корпусом, действовавшим во Франции. Корпус, наступавший в мае 1940 года севернее Седана, с ходу форсировал реку Маас близ Мантерме и открыл путь 7 танковым и 5 моторизованным дивизиям. О Рейнгардте тогда говорили и писали как о мастере внезапного удара, умеющем успешно преодолевать все трудности технического осуществления операции. Таким его считали вплоть до битвы под Москвой, где 3-я танковая армия потерпела серьезное поражение.

Во времени описываемых в книге событий Рейнгардт успел «прославиться» как кровавый каратель. Он одним из первых дал толкование секретного приказа Гитлера «О командос»*, который послужил «юридическим» основанием для убийства пленных и партизан. Из приказа не было ясно, на кого он распространяется. Рейнгардт сделал вывод, что нужно расстреливать всех советских партизан. Распоряжение командующего выполнялось неукоснительно.

* См. «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов, т. 2, М., 1951, стр. 460.

но. В одном из докладов разведотдела 3-й танковой армии записано, что по подозрению в «антигерманской деятельности» в апреле 1943 года расстреляно 25 человек, в мае того же года — 32, за время операции «Громовой клин» — 91 партизан. В мае 1943 года по подозрению в участии в «Витебском деле» (убийство редактора фашистской газеты, взрыв моста и покушение на дом полицейской управы в Витебске) расстреляно 35 человек. Однако зверские расправы фашистов с советскими патриотами приводили лишь к дальнейшему росту партизанской борьбы.

Должно быть, упреки командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Буша по поводу неудачи пышнянско-докшицкой операции сильно обозлили Рейнгардта, и он решил расправиться с партизанами в полосе действия армии одним решительным ударом. Командующий 3-й немецкой танковой армией был сильным противником, и с этим следовало считаться.

Командование зоной и бригад тщательно готовилось к отражению неприятеля. В штабе опергруппы созрел дерзкий план: одновременным ударом по наиболее крупным вражеским гарнизонам сорвать намечавшийся удар из района Уллы на Ушачи. По замыслу, такой удар, нанесенный в разных точках зоны, должен был заставить гитлеровцев рассредоточить силы, распылить резервы и в итоге отказать от наступления.

Члены оперативной группы разъехались по бригадам для проверки их боевой готовности, а капитан Зиненко засел за разработку плана массированного удара партизан по вражеским гарнизонам противника. Идея операции так увлекла капитана, что за работой он просиживал ночи. Поразительная работоспособность, усидчивость Ивана Ивановича были плодом его убежденности, что в основе умения победить противника лежит точное знание конкретных фактов. Сильной стороной капитана Зиненко было также то, что он никогда не считал неприятеля глупее себя.

5 и 6 января план обсуждался на совещании командиров и комиссаров бригад. Присутствовали комбриги В. Э. Талаквадзе, Н. В. Уткин, А. Ф. Данукалов, Д. Т. Короленько, В. В. Мельников и другие.

Выступая на совещании, капитан И. И. Зиненко говорил негромко, но убедительно:

— Основной замысел операции заключается в том, чтобы в праздничный день, когда немецкие солдаты получают водку, веселятся, внезапным ударом овладеть рядом гарнизонов противника, уничтожить их и максимально разрушить дороги. Партизанские бригады должны всеми силами стремиться привлечь к себе как можно больше резервов противника, завязать с ним сковывающие бои и тем расстроить план нового наступления на партизанскую зону. Соединения, которые не примут участия в разгроме намеченных гарнизонов, в ту же ночь нанесут по противнику отвлекающие удары. У немецко-фашистского командования должно сложиться мнение, что силы партизанского края велики и что мы намерены перейти к активным наступательным действиям.

После обмена мнениями выступил приехавший из Борисовско-Бегомльской зоны майор А. Ф. Бардадын. Он сообщил о готовности северной группы минских партизан поддержать своих соседей боевыми действиями. Комбриги и комиссары слушали внимательно. Чувствовалось, что и капитан Зиненко, и майор Бардадын, люди вдумчивые, серьезные, знающие, производят на них положительное впечатление.

На совещании было подчеркнуто, что план разгрома вражеских гарнизонов намечен лишь в общих чертах. Для его уточнения предстоит провести тщательную, глубокую разведку. Только после этого оперативная группа примет окончательное решение, определит время штурма. Ясно одно: это будет ночь с воскресенья на понедельник. А пока разведка, разведка и еще раз разведка.

В движение пришли все виды партизанской разведки. Вскоре оперативная группа располагала точными данными о противнике и его намерениях. К 12 января в район Уллы были стянуты 87-я немецкая дивизия (без артиллерийского полка), 47-я дивизия неполного состава, 51-й минометно-химический батальон 18-й танковой дивизии и два танковых батальона той же дивизии. Новые силы подтягивались в район Вочейково — Камень — Лепель, накапливались войска у Березино, увеличивались гарнизоны в районе Ворони. Со стороны Полоцка на участках партизанской бригады имени В. И. Чапаева и полка И. Ф. Садчикова отмечались усиленные поиски разведчиков противника. Над зоной чаще стали появляться вражеские разведывательные самолеты.

Таким образом, подтверждалось, что основной удар противник намерен нанести из района Уллы. Именно здесь была наибольшая концентрация сил. Цель удара — захват левобережья Западной Двины и наступление на Ушачи. В районе Лепеля была сосредоточена сковывающая группировка противника. У дороги Лепель — Докшицы, а не в районе Уллы, где были собраны крупные силы, нам и следовало нанести удар по врагу. Это решение было продиктовано тем, что наступать в районе Уллы по причине многократного перевеса вражеских сил партизаны не могли. В районе же западнее Лепеля, где концентрация войск противника была значительно меньшей, мы вполне могли рассчитывать на успех. Кроме того, мы были уверены, что противник непременно бросится на защиту дороги Лепель — Докшицы — Парафьяново. Оставшиеся же войска не смогут успешно наступать, а это неизбежно приведет к срыву всей карательной экспедиции.

12 января оперативная группа созвала второе совещание командиров и комиссаров партизанских бригад. Комбриги доложили о готовности отрядов. На совещании был утвержден окончательный вариант плана операции по уничтожению ряда гарнизонов противника вдоль шоссе Лепель — Докшицы.

По приказу оперативной группы выполнять эту боевую задачу должны были 1-я Антифашистская партизанская бригада, бригады имени С. М. Короткина, «Алексея», Лепельская, имени П. К. Новомаренко, которые выступали во взаимодействии с партизанскими соединениями Борисовско-Бегомльской зоны.

Бригады получили конкретные задания: 1-я Антифашистская партизанская бригада уничтожает березинский мост и, сковывая гарнизон противника в Березино, разрушает участок дороги Березино — Кадлубище; бригада «Алексея» громит гарнизоны противника и овладевает деревнями Любово, Путилковичи, Пролетарий, а после овладения деревней Любово очищает от мелких гарнизонов и разрушает участок дороги Любово — Саввин Дуб; Лепельская партизанская бригада штурмом захватывает Пышно и очищает от мелких гарнизонов участок дороги Пышно — Саввин Дуб; бригада имени С. М. Короткина громит гарнизоны противника в Кадлубище, Беседе, разрушает участок дороги Кадлубище — Любово; бригада имени

П. К. Пономаренко во взаимодействии с Лепельской партизанской бригадой уничтожает гарнизоны Студенка, Августово, Пошлавки, овладевает высотой 191,3 и разрушает участок дороги Пышно — Августово.

Одновременно партизанские бригады Борисовско-Беломыслийской зоны уничтожают вражеские гарнизоны в деревнях Варлынь, Пустоселье, Трамбин и другие. Кроме того, минским партизанам предстояло очистить от мелких гарнизонов дорогу на участке Варлынь — Пустоселье — Березино.

Остальные бригады Полоцко-Лепельской зоны получили задания подготовить засады на дорогах и повести наступление на отдельные гарнизоны противника и участки дорог каждая в своей полосе.

Задания были определены и доведены до бригад за пять дней до операции. Противник должен был начать карательную экспедицию 16 января. Мы выступали в ночь на 17 января. Надо было дать карателям «увязнуть», а затем опеломить их. Можно представить, сколько мы пережили, как переволновались в последние дни. А вдруг допущен просчет? А что, если о нашем плане проведал противник? Конспирации придавали особое значение. Никто, кроме командования бригад, не знал об операции. В бригадах подготовили маскиралки, штурмовые салазки с наполненными песком мешками, подобрали хорошо знающих местность проводников-разведчиков, отработали телефонную, конную, пешую связь. Но ни один из участников приготовления не знал, зачем все это делается.

Утром 16 января после двухчасовой артподготовки противник перешел в наступление на участках партизанских бригад имени В. И. Ленина и «За Советскую Белоруссию». В атаке принимали участие 1500 пехотинцев, 5 танков, 15 гаекеток. Их поддерживали 12 орудий и 3 «юнкерса». К концу дня противник продвинулся на 3 километра в глубь партизанской обороны, угрожая захватить деревни Красное и Березово. Оперативная группа приняла решение послать в район Красного подкрепление. Командиру 16-й Смоленской партизанской бригады И. Р. Шлапакову было приказано выйти на стык бригад имени В. И. Ленина и «За Советскую Белоруссию» и занять оборону в районе Туросполь — Боброво — Березово — Тетча. Комбриг В. В. Мельников получил задание выставить сильный заслон в район Глыбочка — Осиновка

и не допустить продвижения противника в направлении Полоцка. Из партизанского полка И. Ф. Садчикова в распоряжение комбрига В. В. Мельникова в ночь на 17 января был переброшен один батальон.

16 января вечером я подтвердил приказ командования зоной комбригам В. Э. Талаквядзе, В. В. Гиль-Родионову, Д. Т. Короленко, А. Ф. Данукалову, Н. В. Уткину об операции по разгрому гарнизонов. Тогда же была послана подтверждающая радиограмма Р. Н. Мачульскому.

В ночь на 17 января на юго-западе Полоцко-Лепельской партизанской зоны запылало зарево. Там шел бой. Помнится, капитан И. И. Зиненко после шутил:

— А говорят, понедельник — день тяжелый. Неправда, счастливый день.

Первые добрые вести привез конный связной из партизанской бригады имени П. К. Пономаренко. Об этом можно было судить уже по тому, как он лихо гарцевал на горячем коне, приближаясь к группе командаров.

— С какими новостями? — спросили конника, хотя все было ясно и без вопросов.

— С добрыми, — отвечал связной, сдерживая кося, по не торопясь выкладывать все разом.

Парень видел, что является центром внимания, что в данный момент знает больше, чем командиры, и не хотел так быстро лишиться своего временного преимущества. Сказалось мальчишеское озорство подростка, еще, наверное, не забывшего разудалые набеги на яблоневые сады, состязания по головокружительным прыжкам в воду да шальные, на диво всем деревенским девчатам, взлеты на качелях. Поправляя правой рукой серую барашковую кубанку, паренек коснулся ладонью ленты, что наискось перехватила спереди франтоватый головной убор, и, должно быть, вспомнив, кто он и зачем послан, вдруг замер в положении «смирно»:

— Товарищ полковник! Комбриг Уткин приказал донести: точно в назначенное время бригада начала бой по уничтожению вражеских гарнизонов и частью сил обеспечивала левый фланг соседа. Внезапно атакованный гарнизон Поплавки уничтожен. Убито двадцать пять гитлеровцев, в том числе три офицера. Уничтожено десять грузовых, две легковые автомашины. Взяты трофеи: ручные пулеметы, автоматы, патроны, мины к ротному миномету,

сапоги, валенки, шинели и другое барахло... виноват, имущество.

Ну чем же Метелица! Я заметил, что левая нога новенького полушубка разведчика пробита двумя пулями. Значит, успел побывать и в бою, лихая голова. Велел ему возвращаться назад с наказом командованию бригады завершать дело в гарнизонах Августово и Студенка. Партизан исчез так же внезапно, как и появился. Через минуту утих топот подков о мерзлую землю.

Напряженное, невольно охватившее всех в канун боя, стало постепенно спадать. А горизонт к югу от командного пункта опергруппы все разгорался. Я напрасно беспокоился за Августово. Ошеломленный внезапностью нападения, гарнизон почти не оказал сопротивления и разбежался. Партизаны уничтожили штаб комендатуры, два километра телеграфной линии связи, захватили госпитальную аптеку, сожгли два деревянных моста и 4 дома, где размещались гитлеровцы. Успешно прошла операция и в гарнизоне Студенка.

В то время как часть сил партизанской бригады имени П. К. Пономаренко дралась в гарнизонах, другие ее подразделения действовали из засад. Работы по усилению обороны дороги немецко-фашистское командование вело так поспешно, что саперов оставляли в лесу на ночь. Это не укрылось от глаз нашей разведки. Засада в районе высоты 191,3 должна была перехватывать саперные подразделения, если они попытаются оказать помощь гарнизонам. Гитлеровцы действительно сделали такую попытку. Прицельный партизанский огонь по колонне направлявшихся в Августово машин сделал свое дело. Патриоты не только уничтожили до тридцати гитлеровцев, но и захватили трофеи: ручной пулемет, патроны, гранаты, пилы и другое саперное снаряжение, очень пригодившееся партизанской инженерии.

Удачно провели бои в ночь на 17 января уткинцы. Они нанесли врагу чувствительный урон. Только убитыми и ранеными фашисты потеряли 162 солдата и офицера. Помните, в последующие дни в окрестных деревнях люди с любовью и гордостью говорили о партизанских командирах А. А. Скопинцеве, С. И. Юсине, И. Е. Крохотко, Д. А. Кузине, Ф. В. Андрееве, П. В. Проваде, С. Е. Баранове, А. К. Петрищеве, подрывнике И. С. Ткаченко и других.

Комбриг Н. В. Уткин и комиссар бригады М. А. Тябут, лично руководившие операцией, продемонстрировали высокое тактическое мастерство, способность оперативно управлять ночным боем на нескольких вражеских объектах одновременно, личную храбрость.

Хорошо провели операции и другие соединения. Лепельская партизанская бригада разгромила гарнизоны в деревнях Пышно, Заколье и блокировала гарнизон в Красной Горке. Бригада «Алексея» штурмом овладела гарнизоном в Любово, Путиловичах, Липняках. Гарнизон в Кадлубище разгромили партизаны бригады имени С. М. Короткина. Крепкий «орешек» достался на долю 1-й Антифашистской партизанской бригады. Она штурмовала гарнизоны Цыгельня и Березино. Первый гарнизон был взят стремительным штурмом, второй — блокирован.

Успех в целом сопутствовал и нашим соседям, партизанам Борисовско-Бегомльского соединения, устроившим в ту ночь налет на гарнизоны Пустоселье, Варлынь, Трамбин и на переправу через реку Поня. В операции приняли участие отряды партизанских бригад «Железняк» и имени Воронянского. Партизаны убили и ранили до 150 вражеских солдат и офицеров, взорвали 10 дворов, захватили 8 пленных. В дальнейшем противнику пришлось изыскивать способы по еще большему укреплению своих гарнизонов в этом районе.

Нападение партизан одновременно на 17 гарнизонов привело противника в замешательство. Командование обеих зон позаботилось, чтобы во время боя ни один из штурмуемых гарнизонов не смог связаться с Лепелем и Докшицами, где были сосредоточены довольно крупные воинские силы, и со своими соседями. Между гарнизонами была перерезана связь. Все дороги к ним партизаны заминировали, в удобных местах устроили засады. Хорошая подготовка, четкая организация операции обеспечили общий успех. Мы снова «оседлали» дорогу Лепель — Докшицы. Я поздравил Р. Н. Мачульского и И. Ф. Титкова — командира бригады «Железняк» — радиogramмой, поблагодарил за помощь и пожелал дальнейших успехов в борьбе против немецко-фашистских оккупантов.

Поистине великое это дело — хорошее настроение больших масс людей. Тогда и личное горе не кажется таким тяжелым, и трудности легче переносятся, и бой идет успешнее. Вызванный большой радостью настрой подобен

вешнему половодью. Он способен захватить человека, увлечь в водоворот событий, которые еще больше сближают людей и тем умножают их силы. Когда по партизанской зоне разнеслась весть о нашей победе, казалось, проснулись от зимней спячки заснеженные деревни и села. Даже в лютые январские холода оживленнее стало на улицах. Дольше обычного задерживались у колодцев и прорубей крестьянки. Чаше сходились подымить ядовитым самосадом старики. Детей и вовсе нельзя было зазвать в хаты. Они почти с рассвета до темноты громили «вражеские гарнизоны», не обращая внимания на отмороженные носы и щеки. «Атаки» на время прекращались только тогда, когда с северо-востока доносился грохот фронтовых орудиных раскатов.

В бригадные и отрядные штабы, в райкомы партии и комсомола посыпались запросы прислать агитаторов, беседчиков, самодеятельность. По деревням пошли партизанские активисты, понесли в народ правду о том, что произошло в ночь на 17 января 1944 года. Они рассказали о том, что совершилось не только в районе Лепеля, но и на северо-западе, где вражеские гарнизоны были атакованы партизанами бригад имени К. Е. Ворошилова и имени ВЛКСМ. Стало известно и о делах партизанских бригад П. А. Хомченко и Ф. К. Ветрова, которые в памятную январскую ночь осуществили дерзкие диверсии на железных дорогах.

Однако мы забежали немного вперед. Все это было чуть позже. С рассветом же 17 января, как и рассчитывали, началась переброска вражеских войск из районов озера Шо, Лепеля, Камени, Уллы к дороге Пышно — Березино. Подкрепление партизаны встречали огнем из засад.

ПАРТИЗАНЫ ПРОТИВ ГРЕНАДЕРОВ

На командный пункт оперативной группы доставили пленных — обер-ефрейтора и восемнадцатилетнего солдата. Оба были из 87-й немецкой гренадерской дивизии, которая, оказывается, прошла всю Европу и с первых дней вероломного вторжения немецко-фашистских войск в нашу страну действовала на Восточном фронте. В боях под Невелем она была разбита Красной Армией и отведена в

ближний тыл для переформирования. Приняв поподение, дивизия получила приказ «мимоходом» разгромить партизанскую группировку в районе южнее Полоцка, то есть нашу группировку.

Обер-ефрейтор, служивший в дивизии еще со времени ее действий в Европе, имевший железный крест и знаки отличия за зимнюю кампанию в России, пытался держаться с достоинством. Однако, оказавшись в ярко освещенной электрическим светом уютной комнате командного пункта, не смог скрыть своего удивления. Он явно не понимал, где находится. Через минуту обер-ефрейтор и вовсе спик, стал суетливо-угодливым и вместе с тем растерянным, унылым. Было видно: в старом оболваненном нацистами служаке рушилось последнее, что как-то поддерживало его. Через переводчика, торопясь и часто сбиваясь, обер-ефрейтор поведал нам историю гренадерской дивизии, явно беспокоясь за правильность перевода.

— Мы не ждали такой организованности от партизан, — разоткровенничался пленный, — нам говорили, что операция предстоит легкая и что на нее уйдет не более трех дней.

— И вы поверили?

— Мы уже убедились, что русских нам не победить.

— А вы лично раньше верили, что русских можно победить?

— Германия проиграла войну. Гитлер капут...

Обер-ефрейтор уходит от прямого ответа. Он боится признаться в том, что такая вера в нем была. В то же время он понимает, что отрицать это — значит зародить недоверие к другим своим показаниям. Что это — пробуждение совести? Скорее всего, высшая степень духовного кризиса, когда человек теряет старую точку опоры и еще не находит новую. Некоторое время он обычно пребывает в состоянии нравственной депрессии, после которой либо находит в себе силы стать на твердую землю, либо оказывается на дне.

— Если можно, — просит обер-ефрейтор, — я напишу от себя воззвание к немецким солдатам и офицерам. Надо кончать войну. Не надо больше крови.

Я смотрю в лицо старого служаки: а может, в нем действительно шевельнулась совесть? Пусть напишет. Посмотрим.

Переходим к допросу второго пленного. Этот «тотальный» воин то и дело прикладывает руку к голове, на которой отсутствует головной убор.

— Зачем к пустой голове прикладывать руку,— замечаю я.— Кто тебя этому учил?

Солдат в оправдание лепечет, что не имеет достаточной подготовки, так как служит недавно и в боях почти не участвовал. Какая там подготовка: несколько месяцев муштры — и на фронт.

По показаниям пленных, наступление на деревни Красное и Березово должно было начаться в 9.00 17 января. Однако никакого движения со стороны противника не было ни в девять, ни в десять часов. Наша операция в районе Пышно — Березино, как и предполагалось, смешала карты противника. Только во второй половине дня враг выполз из своих укрытий и предпринял атаки под Красным.

С еще большим опозданием зашевелились оккупанты на западе зоны. День клонился к вечеру, когда пошли в наступление части 391-й гренадерской дивизии, которая имела задачу прорвать оборону партизан и, наступая на Ушачи, соединиться с 87-й гренадерской дивизией.

В нашем веке гренадерскими называют воинские части, состоящие из отборных солдат. Однако партизаны крепко выспали фашистским гренадерам в тот памятный понедельник. Бригады Д. В. Тябута, В. Э. Талаквдзе, И. А. Куксенка стремительной контратакой отбросили части 391-й дивизии к исходным рубежам. В дальнейшем эти части ограничились своими действия охраной железной дороги на участке Полоцк — Крулевщина.

Как раз в эти дни мы получили сообщение о событиях на Ленинградском фронте. Наступление с ораниенбаумского плацдарма в направлении на Ропшу началось 14 января. На следующий день в сражении приняла участие 42-я армия, двигавшаяся из района Пулковских высот. 14 января перешли в наступление войска Волховского, несколько позже 2-го Прибалтийского фронтов. Как известно, январско-февральское наступление под Ленинградом и Новгородом завершилось победой. Группа армий «Север» была отброшена на 220—280 километров на запад.

Жадно ловили в партизанской зоне хорошие вести о положении на фронтах. Сообщения об успешных боевых действиях Красной Армии вдохновляли партизан на новые

боевые дела. Вскоре мы провели дерзкую по замыслу боевую операцию.

Ценой немалых потерь части 87-й гренадерской дивизии заняли деревни Красное и Красная Горка. Переброшенная в район Красное 16-я Смоленская партизанская бригада 17 и 18 января вела оборонительные бои. Но противника надо было заставить отступить. Бригадой командовал майор И. Р. Шлапаков. Войну он начал в звании старшего лейтенанта. Принимал участие в боях под Смоленском. Был ранен, попал в окружение, остался в тылу врага. Коммунист не растерялся. Вместе с товарищами по оружию он создал в смоленских лесах партизанский отряд, который вскоре перерос в бригаду, наводившую ужас на врага в северо-западной части Смоленской области. В конце 1943 года бригада перебазировалась в нашу зону. Боевые дела 16-й Смоленской бригады хорошо знают в Оршанском, Сенненском, Бешенковичском, Лепельском, Полоцком районах Витебской области.

Мы много слышали о воинском мастерстве, храбрости комбрига Шлапакова еще до прихода бригады в Полоцко-Лепельский партизанский край. Комбриг представлялся нам великаном, таким богатырем из древних русских былин. Богатырский облик настолько сросся в нашем представлении со Шлапаковым, что я даже удивился, увидев перед собой человека ниже среднего роста. Иван Романович, заметив это, пошутил, что де в партизанах малорослому удобней: за любую кочку спрятаться можно.

Предметом нашей беседы, состоявшейся во второй половине января, было наступление противника в районе Красного, которое он предпринял крупными силами пехоты из состава 87-й гренадерской дивизии с приданными ей танками и артиллерией. Надо было во что бы то ни стало остановить врага и заставить его отступить. Иван Романович задумался. Задача не из легких. Контратака вряд ли поможет. Против танков и артиллерии с автоматом не пойдешь... Прибыв под Красное и изучив обстановку, комбриг принял решение внезапно ночью атаковать наиболее насыщенные противником гарнизоны в деревнях Красное и Красная Горка. Замысел Шлапакова мог показаться безрассудным: слишком неравны были силы. На самом деле решение основывалось на точном и тонком расчете. Комбриг сделал ставку на... самоуверенность противника, а также на богатый опыт ведения ночного боя партизанами.

Оснащенный всеми новейшими видами вооружения от фауст-патронов до автоматических пушек, защищенный надежными укреплениями, враг и предположить не мог, что партизаны посмеют его потревожить. Поэтому фашисты расположились в деревнях, как у себя дома. Психологически они не были подготовлены к ночному бою. Этим и решил воспользоваться Шлапаков. Не теряя времени, он начал подготовку к новой операции. В деревнях Павловщина, Тетча, Горбатица, Березово, где располагалась 16-я Смоленская, по просьбе командования бригады партизанам в течение нескольких часов были спиты маскиралы. Прибыв в район Красного, партизаны провели тщательную разведку. По ее данным, в Красном размещался штаб полка и один из батальонов этого полка. Между населенными пунктами были оставлены только патрули.

18 января вечером командирам отрядов 16-й Смоленской бригады был объявлен приказ о наступлении. Отряду Ефремова предписывалось скрытно подойти к Красному с северо-западной стороны и продемонстрировать наступление. Два отряда должны были пройти по льду озера Березового, затем по замерзшему болоту и напасть на гарнизон с тыла. Разгром гарнизона в деревне Красная Горка возлагался на отряд Л. А. Бобылева. Отряды Г. П. Афанасьева и М. М. Гринина выставляли заслоны на случай подхода подкреплений из других гарнизонов.

Очень хотел участвовать в операции еще раньше добровольно перешедший на сторону партизан немец Эрнст Рабочий, он был членом Коммунистической партии Германии. В подтверждение показал партийный билет, который долгие годы хранил в стуле. Когда выпал случай побывать дома, Эрнст достал партийный билет и зашил его в ботинок. Твердо решил, если попадет на Восточный фронт, перейти к русским. Когда часть, в которой служил Эрнст, дислоцировалась в районе Орши, он выбрал удобный момент, сел на велосипед и приехал к партизанам. На сторону партизан Эрнст перешел с вполне определенной целью — бороться против ненавистного фашизма. Он обиделся на командира, когда узнал, что его не берут на ночную операцию. Пожаловался комбригу, доказывая, что пришел к партизанам не для того, чтобы есть даром хлеб и дожидаться конца войны. Упрекнул, что ему не доверяют. Шлапаков убеждал его, что дело не в доверии, а в том, что операция очень сложная и что ему, Эрнсту, сна-

чала надо в совершенстве овладеть тактикой ночного боя. В доказательство, что он вполне доверяет Эристу, комбриг подарил ему свой пистолет. Только после этого Эрист наконец смирился.

Километрах в пяти от Красного есть деревня Крюковщина. Из нее поздно ночью вышли два партизанских отряда. Двигались с соблюдением правил предосторожности. Ночь выдалась темная, безлунная. Только ракеты да пулеметные очереди дозорных нарушали тишину морозной январской ночи. Цепочкой спустились на заснеженное озеро. Маскировочные халаты надежно скрывали партизан. Незаметно приблизились к даотам. Из их амбразур время от времени вырывались огненные струи пулеметных очередей. «Палит в белый свет, как в копейку», — обычно издевались над этой не очень умной привычкой противника партизаны. Правда, мы не были против такой стрельбы. Во-первых, противник зря тратит патроны, а во-вторых, помогает партизанам уточнить расположение огневых точек.

Партизаны залегли на огородах за сугробами. Ближе всех подошел взвод Алексея Бартечева. Ждать пришлось недолго. В 3 часа 55 минут на противоположной стороне деревни раздалась стрельба, внушительно прогремело партизанское «ура!». Это отряд Ефремова заманивал противника. Оккупанты очень легко поддались на уловку партизан. Они приняли инсценировку за настоящее наступление и поспешили сгруппировать силы для ответного удара. Огонь нарастал. В это время подвинулись 6-й и 7-й отряды. Пулеметно-автоматным огнем они подавили охранные группы, находившиеся на южном и юго-восточном направлениях деревни Красное. Прислуга четырех вражеских крупнокалиберных пулеметов сбежала, не успев ни разу выстрелить. Только в нескольких домах фашисты попробовали оказать сопротивление. Огонь подавили гранатами.

Бои завязываются на улицах, во дворах. Пулеметчик Михаил Еременко метким огнем уничтожает пулеметную точку противника. Андрей Милотенко выходит победителем из поединка с внезапно налетевшим на него фашистом. Помощник командира взвода Петр Терещук берет верх в дуэли с рослым, флегматично хладнокровным фашистом. Выстрелы прозвучали одновременно. Карателя сразила меткая партизанская пуля, у Терещука пулей оторвало палец на руке. Николай Великосельский побеждает сразу

трех гитлеровцев. Заместитель командира 6-го отряда Василий Смолкотин вместе с пулеметчиком Михаилом Еременко в здании штаба расправляются с майором, десятью офицерами и солдатами, забирают штабные документы.

Бой разгорается. Огонь охватывает постройки, освещая все вокруг. Белый снег покрывается пеплом. В панике мечутся гитлеровцы. Их везде постигают пули. Одни сигнализируют ракетами, другие ищут укрытия в здании школы. Те, кто успел опомниться, беспорядочно отстреливаются.

Появляются потери и у партизан. Убит украинец Митя Гуров, ранены командир отделения Егоров, боец Малахович. Гитлеровцы как тараканы расползлись по щелям и пытаются сопротивляться. Выстрел из сарая. Падает Гриша Пицуля. Командир взвода Алексей Бартнев подползает к сараю и поджигает его. Фашисты выскакивают из огня, пытаются вырваться из окружения, но напрасно. Бьет тяжелый миномет, и снова ползет Алексей Бартнев. Летит граната, взрыв — и миномет замолкает. Там и здесь завязываются рукопашные схватки.

Постепенно бой начинает утихать. Все реже стрельба, все сильнее пожар. Он разгорается словно специально для того, чтобы дать возможность партизанам подвести итоги боя. Убитых фашистов много. Они на улицах, во дворах, в огородах, в домах. Только командир взвода Е. Н. Басистов один уничтожил десять гитлеровцев.

К пяти часам утра и в Красном, и в Красной Горке все было кончено. Но в это время из поселка Соловьево к Красному подошли два танка и до двух рот лыжников, со стороны деревни Осиновка прибыло еще до роты лыжников противника. Отряды вновь вступили в бой. Около трех часов длилось сражение. Бронбойщики подбили танк. Инсценировав по приказу комбрига маневр по обходу пехоты противника с флангов, партизаны обратили оккупантов в бегство. Больше фашисты не пытались наступать.

Весть о победе партизан в Красном разнеслась по всему Полоцко-Лепельскому краю. Партизаны называли их героями, мирные жители — спасителями. В деревнях победителей одаривали всем, что имели: хлебом, мясом, салом, одеждой. Партизанский поэт П. Я. Пеков даже стихи о них сочинил.

87-я гренадерская дивизия вскоре была перебросена на фронт под Витебск. Начальник штаба 1-го Прибалтий-

ского фронта генерал В. В. Курасов позже рассказывал, что, по показаниям пленных из этой дивизии, соединение в боях с партизанами в районе Красное — Улла потеряло до 15 процентов своего состава. Это отрицательно отразилось на моральном состоянии дивизии. Солдаты заявляли, что они не знают, где фронт — под Ушачами или под Витебском.

В период боев с немецко-фашистскими войсками в районе Красное — Улла в действиях партизан выявились и кое-какие слабые стороны. Это естественно, ибо многое в этих боях было новым для партизан. Мы, пожалуй, впервые столкнулись с крупными фронтовыми частями, оснащенными танками, артиллерией и другой техникой. Опыта борьбы с танками в открытом бою у нас было мало. Поэтому кое-где оборонительные рубежи оставались, хотя обстановка позволяла их удерживать. Невелик еще был опыт ведения уличных боев. Все недостатки были своевременно исправлены, ошибки — учтены. В целом же, как докладывала оперативная группа Белорусскому штабу партизанского движения, личный состав партизанских бригад под командованием П. М. Романова, И. Р. Шлапакова, Н. А. Сакмаркина, В. В. Мельникова и подразделений партизанского полка И. Ф. Садчиков в боях с немецкими гренадерами показал, что он вполне подготовлен и умеет вести бой методом активной обороны.

В КОНЦЕ ЗИМЫ

Гулким эхом разнеслась по Придвинью весть о январских победах партизан Полоцко-Лепельской зоны. Несколько позже мы поняли, что результаты этих побед не ограничиваются количеством убитых гитлеровцев и захваченными трофеями. Как стало известно, январские бои у нас и в других местах Белоруссии многое перепутали в планах немецко-фашистского командования по борьбе с партизанами, заметно остудили его пыл. В антипартизанских действиях гитлеровцев чувствовалась какая-то чрезмерная настороженность, нервозность. Враг стал больше уделять внимания разведке и вообще действовал более осмотрительно.

В феврале в нашей зоне наступило относительно затишье. Погода стояла мягкая, теплая. В начале месяца

началась оттепель. Разлились каналы. Через них перебирались с трудом. К середине февраля снова похолодало. Хорошо стал слышен фронт. За Двиной гремела артиллерийская канонада. Ночью наши самолеты часто совершали налеты на Полоцк. Осветив город ракетами, они наносили мощные бомбовые удары по железнодорожному узлу, по скоплению войск противника. Было приятно и радостно, что летчики умело используют данные партизанской разведки. Иногда наша авиация подвергала бомбардировке военные объекты, расположенные вдоль железной дороги Полоцк — Витебск. Помнится, такой «концерт» наши летчики устроили в ночь на 13 февраля. Казалось, горит и рвется вся дорога от Полоцка до Витебска.

В хорошую летную погоду не дремал и противник. Все чаще в небе над Двиной завязывались воздушные бои. И это было приметой того, что наши войска совсем близко: прифронтовые аэродромы базировались на территории бывшей партизанской зоны, в треугольнике Витебск — Невель — Полоцк.

Радостные надежды окутывали людей, но вместе с тем нарастала и тревога. Не верилось, что противник оставит в покое Полоцко-Мельяскую партизанскую зону. Он и в самом деле не думал отказываться от намерения овладеть левобережьем Западной Двины.

На этот раз оккупанты применяли новую тактику. Широкая полоса вдоль левого берега была нейтральной. Жители из прибрежных полностью или частично сожженных деревень ушли в лес, под защиту партизан, и жили в землянках. Гитлеровцы решили овладеть нейтральной полосой и, перейдя утром 11 февраля Двину в районе деревни Ткачево, стали окапываться. За день подготовили 4 пулеметные точки и вырыли котлован для караульного помещения. На ночь, опасаясь нападения партизан, ушли за Двину. Ночью разведчики и подрывники отряда имени М. В. Фрунзе партизанской бригады имени В. И. Чапаева заминировали место работы гитлеровцев. Придя утром на левый берег, враги обнаружили, что от пулеметных точек не осталось и следа. Сунулись в котлован будущего караульного помещения и нарвались на мину. В это время партизаны открыли пулеметно-минометный огонь. Поспешно отступая, непрошенные гости наскочили еще на одну мину. Из 35 перешедших Двину гитлеровцев ноги унесли только 10.

Весь день из-за Двины строчил крупнокалиберный пулемет. Стреляли даже из автоматов. Задевая за ветви деревьев, пули рвались, производили много шума, но никакого ущерба партизанам не наносили. Вечером гитлеровцы снова работали. Ночью выставили часовых, дозоры, патрули, освещали левый берег ракетами и все время обстреливали подозрительно молчаливый лес.

На прориски врага мы отвечали дальнейшим укреплением оборонительных рубежей, усилением подготовки боевых резервов, диверсиями на железных и шоссейных дорогах. В ночь на 1 февраля партизанские отряды под командованием Д. В. Тябута, В. В. Мельникова, И. Ф. Садчикова и других совершили смелый налет на железную дорогу Полоцк — Крулевщина. В ряде мест насыпи и особенно мосты приходилось брать штурмом, так как к этому времени охрана железнодорожных коммуникаций была усилена. За ночь партизаны взорвали 2500 рельсов, 7 железнодорожных мостов, уничтожили несколько километров телеграфно-телефонной связи. Магистраль замерла. На отдельных железнодорожных станциях скопилось много воинских эшелонов врага. Партизанские радиостанции сообщили об этом командованию 1-го Прибалтийского фронта, и наша авиация, как говорится в боевом донесении, «провела ряд удачных бомбовых нападений».

Ответная реакция гитлеровцев на наши удары была шаблонной. Они попытались оттеснить партизан подальше от железных дорог на этом и других направлениях. Такие попытки, в частности, были предприняты на участке бригады имени К. Е. Ворошилова, которая занимала двадцатикилометровую линию обороны у железной дороги Полоцк — Крулевщина от озера Навляцкого до деревни Рябченки. Оккупанты попытались выбить отряд «Мститель» из оборонительных укреплений у деревень Бобынички, Забелье, Солоневичи. Первая атака была отбита огнем из пулеметов и стремительной контратакой. Однако оккупанты не успокоились. Получив подкрепление из Ветрина, они вскоре предприняли новое наступление. Силы были неравны, и противнику удалось занять деревню Забелье. Комбриг Тябут с небольшой группой партизан поспешил на помощь. Благополучно пробрались через опасную зону, которую противник держал под обстрелом. На удобной высоте установили станковый пулемет. Комбриг открыл огонь по атакующим фашистам. Цепь залегла и ползком

начала ретироваться. Тябут передал пулемет партизану И. Л. Дубовскому, а сам с группой подрывников ударил противнику во фланг. Ошеломленные смелой атакой, не зная сил партизан, гитлеровцы, видимо, воображали, что их окружают несколько отрядов, и отошли к деревне Лесово и дальше — к станции Загатье. Отступление было таким поспешным, что враги даже не подобрали раненых.

В этом бою смертью храбрых пали наши боевые товарищи А. Н. Гончаров, Л. И. Тихонович, Н. С. Дубко, С. Н. Судников. На их похороны в местечко Гомель пришли и жители окрестных деревень.

В тяжелых зимних боях с охранными и регулярными частями немецкой армии закалялись партизанские подразделения Полоцко-Лепельского края. Повышалась их боеготовность, росло тактическое мастерство. Заметно усилилась боевая активность бригад и отрядов. Они отлично сражались в обороне и из засад, в ночных операциях на железных дорогах и в гарнизонах. Жаль только, что недостаток питания и радиостанциям не позволял сообщать за линию фронта о всех операциях. С целью экономии боевые донесения мы передавали главным образом вместе с разведанными о противнике для армейского командования. Тем не менее в оперативных сводках Совинформбюро время от времени сообщалось и о наших делах. В сводке за 26 февраля 1944 года, например, говорилось:

«Несколько партизанских отрядов, действующих в Витебской области, в полуторамесячных непрерывных боях разгромили немецкие гарнизоны в 30 населенных пунктах. Уничтожено свыше тысячи гитлеровцев. За это же время советские патриоты пустили под откос 46 немецких воинских эшелонов. В течение только одной ночи партизаны взорвали около четырех тысяч рельсов» *.

Зима тревог близилась к концу. Используя относительное затишье, мы продолжали совершенствовать оборонительные рубежи, усиливали действия разведки, готовили транспортные средства, запасались продуктами питания, еще и еще раз осматривали и налаживали оружие. Все уже привыкли к тому, что не на Двине, так под Лепелем, не в стороне Уллы, так в направлении Полоцка постоянно гремели бои, и в дни затишья невольно настораживались. Тишина обманчива: кто знает, что замышляет враг.

* «Сообщения Советского информбюро», т. 6. М., 1944, стр. 101.

Беспокоились и за положение соседей — вилейских, борисовско-бегомльских, сенненско-оршанских партизан, с которыми всегда взаимодействовали. По мере вовлечения врагом в карательные экспедиции все новых сил помощь друг другу соседних партизанских бригад становилась незаменимой. В феврале на севере Минской области каратели, по всему виду, задались целью лишить партизан их баз и лагерей. 6 и 7 февраля натиск крупной группировки карателей успешно отражала партизанская бригада «Дяди Коли». В боях у деревень Скуплино, Ганцевичи, Корсаковичи партизаны уничтожили несколько десятков вражеских солдат и офицеров и подбили два танка. С помощью стремительных контратак, ударов по флангам, обходных маневров противник был отброшен и отступил в Зембин. Безрезультатными оказались попытки гитлеровцев прорвать оборону и на участке бригады имени П. К. Пономаренко.

16 февраля каратели вновь пытались совершить прорыв на участках бригад имени С. М. Кирова и имени П. К. Пономаренко. Наступление велось одновременно на нескольких направлениях. Фашистам удалось проникнуть глубоко в лесной массив и ввиду трудности подойти к партизанским базам. Но в лесном бою им не помогли ни численное превосходство, ни сильный огонь. Перегруппировавшись, партизаны нанесли удары с разных сторон. У гитлеровцев создалось впечатление, что они окружены. Начался беспорядочный беспешный отход. Базы были спасены. Не имели успеха попытки карателей потеснить партизан и в Смолевичском районе Минской области, где действовала бригада «Смерть фашизму». Неудачи приводили оккупантов в ярость, и они усиливали репрессии против мирных жителей. В деревне Ганцевичи Плещеницкого района каратели сожгли 64 дома, расстреляли колхозницу Пелагею Устину и ее четырех малолетних детей, колхозницу Татьяну Косьян и ее десятилетнюю дочь, стариков Александра Майсюка и Степана Ковшика. Фашисты без удержку грабили население.

В Сенненско-Оршанской зоне в феврале враг создавал новые гарнизоны и наращивал в них силы. Особый интерес проявляли оккупанты к грунтовым дорогам, которые были так нужны фронтовым и тыловым войскам 3-й немецкой танковой армии. Здесь можно было ожидать активных наступательных действий врага в любое время. Соседи зна-

ли это и готовились к отпору врагу. Одновременно они продолжали боевые действия на коммуникациях Орша — Минск, на шоссе Витебск — Лепель, громили вражеские гарнизоны. Нарастала активность и наших западных соседей — вилейских партизан.

В этот период мы поддерживали регулярную связь с Большой землей. На наши аэродромы почти каждую ночь прилетали самолеты. Таким гостям мы всегда были несказанно рады. Понемногу нам удалось пополнить боеприпасы, создать резерв винтовочных и автоматных патронов. Санитарные службы и госпитали запаслись медикаментами. Желанными гостями были в зоне представители Витебского подпольного обкома партии и ЦК КП(б)Б. Обычно их первыми осаждали курильщики. Папиросы — их ласково именовали «дымок Москвы» — считались чуть ли не самым дорогим подарком. Думается, что главное было не в табаке и не в дымке, а в том, что «Беломор» и «Казбек» стали чем-то вроде дорогой приметы Родины. И не успевал еще заглухнуть мотор приземлившегося самолета, а гость уже оказывался в кругу партизан, угощал их папиросами и рассказывал о новостях. Добрым вестям радовались, невеселые встречали сдержанно. Помнится, нас очень обеспокоило сообщение секретаря Витебского обкома И. Б. Познякова о довольно крупных зимних карательных экспедициях в полосе линии фронта от Орши до Кобрина, в результате которых оккупантам удалось оттеснить могилевское соединение на запад, за реку Друть, а полесских партизан — за реку Птичь и захватить в этих зонах несколько продовольственных баз и лагерей.

Нелегко приходится также пинским и брестским партизанам на Днепровско-Бугском канале, рассказывал представитель подпольного обкома. Тяжелые бои ведет бригада М. И. Герасимова. Ей помогают другие бригады. Но силы слишком неравны. Комбриг Герасимов сообщает о неслыханной стойкости партизан, и прежде всего коммунистов и комсомольцев. Партизанские дзоты удерживаются до тех пор, пока их не разрушает вражеская артиллерия. Одна такая точка держалась восемь часов. Когда выходят из строя одно укрепление, путь карателям преграждает другое. Получив такой отпор, оккупанты несколько снизили активность и приступили к сооружению оборонительной линии на северном берегу канала. С боеприпасами у герасимовцев плохо.

Как стало известно позже, неравные бои на Днепровско-Бугском канале продолжались до конца марта. Взаимодействуя с войсками Красной Армии, наступавшими на ковельском направлении, пинские и брестские партизаны оказали им существенную помощь. Большие месяцы не давали они возможности крупной вражеской группировке форсировать водный рубеж. В конце месяца партизаны под напором превосходящих сил противника вынуждены были отступить. Вскоре они соединились с наступающими частями Красной Армии.

Доходили вести о боях Пинского соединения в Ленинском, Лунинецком, Давид-Городокском районах, на брестской земле. Схватки с оккупантами повсеместно носили ожесточенный характер. Приходилось отражать натиски значительных сил вражеской пехоты, танков, артиллерии. В глубинных зонах патриоты продолжали удерживать занимаемые районы, парализуя удары по коммуникациям и тыловым объектам врага.

ПАРТИЗАНЫ И ДЕТИ

Случилось так, что Полоцкому детскому дому в сорочковом первом году не удалось своевременно эвакуироваться в советский тыл. Из города выбрались только тогда, когда снаряды стали рваться на улицах и площадях. Повозки с детьми, продуктами и одеждой двигались на восток под грохот догонявших их боев. Старшие ребята вместе с воспитателями шли сзади телег. Наступила ночь. Зарницы пожаров, снолохи ракет, взрывы бомб, орудийная канонада — такой увидели дети в ту ночь родную Полотчину. В деревне Захаричи, где остановились на отдых, путь на восток отрезали вражеские танки. Пришлось возвращаться назад.

Началась трудная, тревожная жизнь. Самой сложной была проблема снабжения продовольствием. Припрятанных продуктов хватило ненадолго, и директору детдома Михаилу Степановичу Форицко пришлось обратиться в городскую управу. С большим трудом он добился выделения на каждого ребенка мизерного пайка (хлеба, крупы и соли). Впоследствии при помощи Н. А. Маниса удалось добиться разрешения получать отходы мясных продуктов на мясокомбинате.

Чем дальше, тем труднее приходилось коллективу педагогов-воспитателей. Они делали все возможное, чтобы спасти детей от голода, холода, болезней. Но самой страшной опасностью были оккупанты.

Однажды вечером директор детдома М. С. Форинко пригласил к себе на квартиру своего заместителя Виктора Седловского, педагогов-воспитателей Анну Шаеву, Валентину Латко, Семена Марковича. Этих людей он хорошо знал по совместной работе и доверял им. Осторожно, издавка завел разговор о создании подпольной организации. Предложение одобрили. Вскоре в Полоцком детском доме образовалась подпольная группа.

Анне Шаевой и Виктору Седловскому было поручено вовлечь в подпольную группу остальных работников детского дома. В августе 1942 года в группе, которую позже назвали «Бесстрашные», уже насчитывалось тринадцать человек. В нее вошли также М. Г. Лютко, В. В. Булах, Н. П. Ванюшин, Ф. Ф. Шупеня, М. К. Форинко, Т. В. Телушкина, К. И. Ярицкий, М. К. Пискунова.

Одной из главных задач группы «Бесстрашные» было спасение детей. Опасность грозила девяти детям еврейской национальности. Группа поручила Константину Ярицкому спрятать мальчика Рувима Мойшеня у жителей деревни Евгенки, Рахиль Икхель — в поселке Громы. Младших детей Зельду Икхель, Берту Швейдерман, Таню Шуб и других решено было выдать за детей разных национальностей, изменив их фамилии и имена. Так и сделали. Позже, когда была установлена связь с партизанами, несколько детей-евреев отравили в партизанскую зону.

Члены подпольной группы «Бесстрашные» под предлогом проведения экскурсий в лес собирали в поле сброшенные советскими самолетами листовки, переписывали их, тайно расклеивали на стенах домов, заборах, передавали населению, переправляли в лагерь военнопленных. Немцы сбидись с ног в поисках распространителей листовок. Им наконец удалось схватить и расстрелять Т. В. Телушкину. Это было серьезным уроком для группы «Бесстрашные». Стали работать более осторожно. Листовки в Полоцк часто доставлял учитель из деревни Горюки Дриссенского (ныне Верхнедвинского) района Леонид Степанович Лисовский. Он был связан с партизанами.

Вскоре группа «Бесстрашные» стала выполнять задания партизан. Благодаря помощи разведчиков из детдома,

которыми руководил Николай Ванюшин, партизанам стали известны многие важные подробности о перевозках военных грузов в сторону фронта, о расположении вражеских укреплений, зенитных установок. Благодаря данным, полученным от группы «Бесстрашные», советская авиация не раз наносила меткие бомбовые удары по вражеским тылам, а партизаны производили диверсии, делали засады, громили немецкие гарнизоны.

Однажды в штаб партизанского соединения поступило сообщение о том, что гитлеровцы собираются заслать в ряды партизан своих агентов, но кого они пошлют, было неизвестно. Узнать об этом могли подпольщики. Поэтому руководству «Бесстрашных» было передано указание — усилить наблюдение за посылкой в партизанскую зону подозрительных лиц и при установлении их фамилий немедленно сообщить штабу соединения. Получив это задание, подпольщики связались с Владимиром Грибовским, который служил в немецкой жандармерии и выполнял задания «Бесстрашных». Через несколько дней Грибовский сообщил, что фашисты решили заслать к партизанам двух агентов, назвав их фамилии. Шпионы были обезврежены.

Разумеется, воспитанники ничего не знали о подпольной группе в лесу. Старшие ребята — Суровцев, Журов, Санюк и другие решили действовать самостоятельно. Под предлогом работы в бывшем колхозе они пробирались в лес, что недалеко от деревни Рыбаки, собирали и прятали винтовки, автоматы, патроны, гранаты. А возле деревни Журово нашли и припрятали станковый пулемет и ленты с патронами.

Однажды, зайдя в комнату, где жил Вася Журов, Форишко заметил, как ребята что-то быстро спрятали в тумбочку. Когда Михаил Степанович открыл дверку тумбочки, у него в глазах потемнело: там лежали гранаты, патроны, а сверху — пистолет ТТ.

— Вы что, с ума сошли? — упрекнул Михаил Степанович. — Вы же погубите не только себя, но и весь наш коллектив.

Ребята чувствовали себя виноватыми.

— Извините, Михаил Степанович, больше такой глупости мы не допустим, спрячем так, что не найдет ни одна немецкая ищейка.

Через несколько дней все собранное оружие было передано партизанам.

С полным текстом документа можно
ознакомиться в библиотеке